

Оксана Есипова

Игры Сушеного

Часть 2

Оксана Есипова
Игры Сушёного. Часть 2
Серия «Опасные связи», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72031552

SelfPub; 2025

Аннотация

Тени прошлого обретают голос. Сергей всё глубже увязает в чужой игре, где карты тасует некто древний и безжалостный.

Чтобы спасти любовь и самого себя, придётся нарушить правила, предать обещания и рискнуть собственной душой. Но когда магия становится оружием, кто сказал, что оно не обернётся против хозяина?

Выиграть можно. Вопрос – чем ты готов заплатить?

Продолжение мистического детектива «Парс фортуны» («Опасная связь») – победителя премии «Русский детектив» в номинации «Дебют». Вторая книга серии "Опасные связи", часть вторая.

Содержание

Глава 1. Двери в другие миры	4
Глава 2. Тьма	35
Глава 3. Сети, расставленные арканами	50
Глава 4. Степан	65
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Оксана Есипова

Игры Сушёного. Часть 2

Глава 1. Двери в другие миры

Как долго я пролежал на ледяной могильной плите? Как долго посылал проклятия всем Богам? Как долго отчаянно звал маму, не веря, что больше никогда её не увижу? Сколько раз провёл дрожащей рукой по фотографии на памятнике?

Рыдал со слезами и без, выпадал в белое марево, выныривал из него и отказывался верить, что всё это происходит в реальности?

То ведомо лишь белке, неизменной спутнице в радости и печали. Но существует ли она в реальности?

Я не помнил, как встал и попытался собрать мысли в кучу, как отправился в обратный путь. Обнаружил себя в полубезумном состоянии на середине пути к машине и жутко разозлился. Маму не вернуть. Но я должен узнать, что произошло с родителями, а ещё вернуть Нину. Мне нужен трезвый ум. Разрешу себе погоревать, когда всё закончится.

«Разрешу», – пообещал я всем голосам в голове и принялся размышлять.

Позвольте, но что делает на могиле мамы цветастый коврик? Я помнил, что он постоянно лежал на крыльце у мамии-

ного дома. Значит, на самом деле всё время находился на могиле. Но кто принёс коврик на кладбище? Зачем? Если он давно там лежит, то должен был извозиться, испачкаться, ворс примяться и местами стереться. Но коврик вызывающе выглядел новым и чистым.

На мгновение я даже решил вернуться и забрать коврик с собой. Быть может, бабушка скажет, что это важно? Но, поразмыслив, решил не тратить время. Вместо этого стал пристально вглядываться в перешептывающийся лукавый лес в надежде увидеть проводницу-белку. Но рыжая проказница, вне зависимости от того, кем она была на самом деле, миражом или реальным зверьком, показаться не пожелала.

С майбахом всё оказалось в порядке, но на капоте машины, уютно свернувшись клубочком, лежал маленький чёрный котёнок. Когда я подошёл, он поднял голову и вопросительно мяукнул, открыв миниатюрную розовую пасть. Уже ничему не удивляясь, я аккуратно взял котёнка на руки и переложил на заднее сиденье.

На капоте машины, уютно свернувшись клубочком, лежал маленький чёрный котёнок

Внимательно осмотрел машину в поисках змеи, ничего не нашёл и усмехнулся. Белку я уже видел, кот пришёл сам, а что же змея? Соберутся ли вместе три фигурки с цепочки бабули? Может, у меня едет крыша? В отличие от встречи со змеёй и даже белкой, встречей с котом никого не удивишь. Эка невидаль. Но что делает котёнок вдали от жилья в полном одиночестве на просёлочной дороге? Он не выглядел диким и неухоженным, напротив, холёным и домашним.

Я решил, что оставлю милое создание себе, но вовремя вспомнил, что у Али астма и аллергия на животных. Что же, привезу на свой страх и риск котика бабушке.

Сажая котёнка в машину, я сильно рисковал. Переноски у меня не было, а перевозить животное, тем более чужое, без неё точно не стоило. Кот мог начать орать, царапать обивку и гадить, прыгать и скакать по салону, рискуя получить травму. Не говоря уже о том, что малыш будет отвлекать от дороги. Но, к моему глубокому удивлению и облегчению, котёнок мирно свернулся клубочком на кожаном сидении и покладисто задремал.

Я всё сильнее давил на газ, хотел как можно скорее добраться до столицы и обсудить всё с бабулей. Можно было и по телефону поговорить, учинить пристрастный допрос прямо сейчас, но я сдержался. Поговорим дома. Лично. Глядя

друг другу в глаза.

Когда бабушка открыла дверь и увидела меня с кислой миной на лице и котёнком на руках, уже стемнело.

– Дар? – Ахнула бабуля, протягивая руки к коту.

Котёнок немедленно заурчал, с видимым удовольствием перелез к бабушке на ручки и принялся обнюхивать её шею.

– Как ты сказала? – Удивлённо переспросил я, скидывая обувь. – Дар?

– В «Нелюдимке» сразу при входе в дом висит большой портрет кота. Кота по имени Дар.

– Портрет кота? На видном месте?

– Ну, не совсем кота. Портрет твоей прапрапрабабки с котом. Дар приложил лапки к становлению нашего магического рода. По легенде, он не совсем кот.

– А кто?

– Не совсем кот, я же сказала.

Я посмотрел на бабушку далёким от восхищения взглядом, она же в ответ только улыбнулась.

– Подожди, – внезапно дошло до меня, – так дом в «Нелюдимке» – это не байка?

– Конечно, нет. Он до сих пор стоит, кстати, напротив кладбища. Не заметил?

– Нет.

– Откуда это чудо? – бабуля кивнула на котёнка.

Она уже налила в блюдечко молоко. С сомнением посмотрела на малыша и озабоченно произнесла, не дав ответить

на предыдущий вопрос:

– Надо сходить за кошачьим кормом.

– Сейчас закажу, – успокоил я бабушку. – Может, перекусим? Я как уехал, так ничего больше не ел.

Как по волшебству передо мной оказалось блюдо с пирожками и чашка чёрного кофе.

– Тогда корм заказывай сразу к себе домой, – посоветовала бабуля.

– Зачем? – Не понял я.

– Как зачем? – В свою очередь удивилась бабушка. – Ты разве не заберёшь котика с собой?

– Не могу, у Али на кошек аллергия.

– Как это символично. У твоей Али аллергия на наш Дар.

– Ба!

– На нашего Дара, я хотела сказать.

Чтобы не взорваться, я уткнулся в чашку с чёрным кофе. Почему, интересно, бабушка принесла кофе без молока? Хотел поднять голову и попросить сливок, но не смог оторвать глаз от манящей тёмной жидкости, которая неестественно блестела и едва ли не подмигивала.

Миг – и я ныряю в чёрную дыру, но кофе не обжигает, это знакомая пропасть: я падаю, падаю, падаю вниз.

И вот снова стою на просёлочной дороге у майбаха. Никакого котёнка на капоте машины. Прежде чем чертыхнуться и сесть в машину, я машинально поднёс ладонь к носу и почувствовал едва слышный, но стойкий аромат. Аромат, ко-

торый ни с чем не перепутаешь. Кофе. А ещё в воздухе уже привычно пахло серой.

– Ба, – выдавил я из себя, стоя на пороге.

Бабуля стремительно обняла меня, и я понял, что лицо её, как и моё, мокрое от слёз.

– Бедный мой мальчик, – сказала она совсем как мама.

– Как это возможно?!

Мы долго стояли в тёмном коридоре, обнявшись, и только судорожное прерывистое дыхание выдавало наше присутствие.

Наконец бабуля отступила на шаг и жестом пригласила пройти в столовую. Я послушался. Скользнул взглядом по прекрасно сервированному столу с накрытым ужином: пасте с морепродуктами, греческому салату, сырной нарезке и тарелке с оливками. Ещё утром мы ели горячие пирожки в уютной бабушкиной квартире, а я жил в счастливом неведении, считая, что мама жива. Прошло всего несколько часов, но домашняя стряпня успела смениться на европейскую кухню, я осиротел, а нам с бабушкой предстоял нелёгкий разговор.

– Вымой руки, – вместо ответа бросила хозяйка неуловимо изменившейся квартиры.

Пахло не Шанелью номер пять, а ладаном и душистыми

травмами. Я пожал плечами и прошёл в ванную. Когда я вернулся, бабушка успела открыть вино и плеснула в бокалы Пино Гриджио.

– Мы что-то отмечаем? – с горьким сарказмом поинтересовался я.

– Сегодня вино не лишнее, – отрезала бабушка, – садись, поешь.

– Не хочу, – сказал я и внезапно понял, что дико проголодался.

Набросился на еду, попутно размышляя о том, что, то ли такие фортели выкидывает организм, то ли бабушка всё же практикует и решила сделать так, что я захотел подкрепиться.

Когда тарелки опустели, сотрапезница, едва прикоснувшись к блюдам, перебила моё благодарное невнятное бормотание деловым: «Теперь поговорим».

Несмотря на предложение, мы долго молчали, глядя друг на друга так, словно видели впервые. Я решил во чтобы то ни стало первым не нарушать скорбную звенящую тишину. В конце концов, за меня в этой жизни слишком долго всё решали. Пусть теперь объясняются.

Хотя, кого я обманываю? Мотивы бабушки стали прозрачны, прозрачны, как вода в горной речке на Алтае, куда мы много лет назад летали в отпуск, прозрачны, как боль, которая обволакивала, мягко и в тоже время требовательно, так, что я видел её отражение в глазах женщины, которая

меня воспитала.

Пока в этой тишине прозрачной дымкой дрожало в воздухе прежнее статус-кво. Обманчивое, иллюзорное, но такое желанное. Вкусная еда и разлитое по бокалам вино не смогли нырнуть в отчаянное: «Да чёрт с ним».

Неуловимо дрожащие руки, комок в горле, воспоминания об отпуске на Алтае – объединяли, как и общее горе, убежать от которого больше не удастся.

Наконец бабушка сдалась и прошептала:

– Прости, тогда я не могла иначе.

Я кивнул, потому что теперь и правда лучше понимал, что случилось много лет назад.

– Расскажи, что ты вспомнил, – бабуля снова нарушила молчание.

Тогда я пересказал воспоминания, которые вернулись сегодня у маминой могилы, догадки и домыслы. Бабушка кивала, подтверждая мои слова.

– Так что случилось с родителями? – задал я главный волнующий меня вопрос.

– Они попали в автомобильную аварию.

Какой обычный, предсказуемый ответ. В автокатастрофах ежегодно погибает 1,19 миллиона человек. Статистически вероятнее погибнуть на дороге, чем в самолёте, хотя почти никто не боится сесть в такси, доверяя жизнь незнакомому человеку, а аэрофобией страдает до сорока процентов взрослого населения. Так устроен мозг: мы не боимся привычного

и считаем, что если что-то делали сто раз, то и в сто первый ничего не случится.

С другой стороны, какого ответа я ждал? «Твоих родителей, дорогой Гарри Поттер, убил злой волшебник Волан де Морт? Упс, прости, его нельзя называть». Глупо, да. Но на всякий случай я переспросил:

– Просто авария? Случайность? Прости, что спрашиваю, но ты в этом уверена?

Бабушка быстро отвела глаза в сторону и так нервно забарабанила пальцами по столу, что стало понятно: она не уверена.

– Это случилось на трассе, как раз по дороге в «Нелюдимку». Твоей матери позвонил незнакомый мужчина и заявил, что интересуется нашим старым, уже тогда почти заброшенным домом. Мол, хочет посмотреть его и приобрести. Мама удивилась: дом не был выставлен на продажу и находился в таком состоянии, что проще построить новый. К тому же, дом стоит далеко от коттеджного посёлка с его охраной, закрытой территорией и другими благами общества потребления. Незнакомец пояснил, что он из НИИ СБМ (института системной биологии и медицины), группа его коллег давно искала подходящее здание под базу в лесу для исследований, а дом в «Нелюдимке» идеально подходит.

– Какая-то мутная история.

– Тоже самое сказала я. К тому же, ни в коем случае нельзя продавать родовое гнездо.

– Тогда зачем родители туда поехали?!

– Моя упрямая дочь ответила, что за родовым гнездом не грех бы ухаживать, а так оно вскоре благополучно развалится само. Мол, лучше пусть дом используют учёные, чем он станет свалкой и жильём для местного лешего.

– Лешего? Так, об этом потом. Мама хотела продать дом? Он принадлежал ей?

– Нет, документы оформлены на меня. Но твоя мать решила встретиться с покупателем и показать дом. Знаешь, что я думаю? Она всё понимала и просто хотела своими глазами посмотреть, кто такой этот покупатель. Хотела разобраться в странно пахнущей истории. На всякий случай, как видно предчувствуя опасность, мама поехала вместе с твоим отцом. Но они даже не доехали до дома. Машина вылетела с трассы, несколько раз перевернулась и улетела в кювет, моментально загорелась. В полиции сказали, что родители умерли сразу, не мучаясь. Даже не поняли, что произошло.

– И ты это так оставила?

– А что было делать? Покупатель как в воду канул. Впрочем, договаривался он с мамой, у меня не осталось его контактов. Да и доказательств, что он как-то причастен к аварии, нет.

– Это всё?

– Посмотрела на Таро. Если коротко описать расклад: Дьявол, Повешенный, Башня. Понятно, что он не сводился к этим картам, это тезисно. Что-то не так. Но раскладывать

карты нужно только в спокойном состоянии, поэтому я решила, что арканы отражают моё внутреннее состояние, страхи и сомнения, а не реальную ситуацию.

– Очень странно. Но почему я смирился со смертью отца и так и не смог принять смерть мамы? Никогда не слышал ничего подобного. Если бы я просто отрицал реальность, то мог бы представлять, что родители вместе переехали за город и счастливо там живут.

– Точно не знаю. Папа любил тебя, но вы мало общались. Совсем другое дело мама, которая занимала большую часть твоей жизни. Когда мама ушла, в твоём мире образовалась огромная дыра. А в эту дыру хлынула сила, которая передавалась от мамы. Ты стал воспринимать силу как продолжение образа матери, отделяя его от себя, понимаешь?

– Не очень, честно говоря.

– Сначала ты горевал и искал маму. Открывал двери в другие миры...

– Что это значило на практике? Я, условно, открывал дверь холодильника и попадал в другой мир?

– Не так буквально. Дверь – всего лишь метафора. Ты так хотел быть с мамой, что в какие-то моменты выпадал из нашего мира и оказывался в другом.

– Не понимаю. Допустим, мы играли или беседовали с тобой, а что дальше? Я пропадал, растворялся в воздухе?

– Нет, конечно, не так. Спокойно сидел и играл, как вдруг на руке буквально на глазах проявлялась свежая царапина. Я

с ума сходила от беспокойства, а ты как ни в чем не бывало рассказывал, что кружка упала и разбилась, ты поранился, очень испугался, и тогда всё снова стало как раньше. На самом деле ты побывал в месте, очень похожем на нашу квартиру, но в другом мире. И вернулся назад. Кружка в нашем мире так и осталась целой, а вот царапину на руке ты хотя и получил в другом мире, но вернулся с ней в наш. Иногда ты считал, что видишь сон. Не помнишь?

– Нет. Не помню. То есть могло казаться, что я повернул время вспять? Вернулся на несколько минут назад в прошлое? И всё пошло немного по-другому? Скажем, кружка осталась цела?

Бабушка пристально на меня посмотрела.

– Именно так. Всё повторилось? Так и знала, подозревала нечто подобное! Поэтому и отправила тебя к матери. Ты должен прежде всего разобраться в самом себе.

– Видимо, да. Повторилось. Думал, растёт магическое мастерство.

– Если ты считаешь, что это безобидные фокусы, то это не так! Это опасно! Прежде всего для тебя. И для нас всех.

У меня закружилась голова.

– Скажи, а предметы из других миров я мог переносить в наш?

Бабушка схватилась за голову:

– Что, дошло уже и до этого?!

Я постарался разложить информацию по полочкам и вы-

дать чётко и структурированно, но ничего не вышло. На бабушку полился эмоциональный бессвязный поток мыслей:

– Последнее время снились странные сны. Очень реалистичные. Я не просто попадал в сон, а обретал память альтернативного «я». В одном из сновидений оказалось, что мы с Ниной уже год как женаты. Я помнил весь этот год, разные мелочи и ничего не значащие детали.

На лице бабули явственно читалось: «А я говорила, вы созданы друг для друга», но она крепилась и молчала. Я продолжил:

– Почти сразу после сна мы поссорились с Алей. Она хотела вылить на меня горячий кофе, а я повернул время вспять, чтобы избежать этого.

– Она хотела вылить на тебя на тебя горячий кофе?! Хорошую девушку ты выбрал, – не сдержалась бабуля.

– Не знаю. Так подумал в тот момент. Может, она просто сказала бы что-то неприятное, – покривил я душой.

– Ладно, ближе к делу. Ты как-то этим управлял? Взял и повернул?

– Нет, мне очень не понравилась ситуация, и внезапно я оказался в недавнем прошлом.

– Тогда это игра миров.

– И какой мир настоящий?

– Немного не так. Совсем недавно ты проваливался в другой мир, в котором вы с Ниной вместе, хотя и воспринимал его как сон. Если остались воспоминания о том, как вы про-

жили с Ниной последний год, в том мире ты частый гость. А чтобы не сошёл с ума, подсознание прячет эти знания. И ты помнишь самый последний «сон». Беда в том, что, как я уже говорила, это опасно. Именно по этой причине мы и заблокировали в детстве твою силу. В какой-то момент мир начинает «мерцать». Временная шкала «подключивает».

– То есть «глюк» мог произойти в любой момент? Просто удачно совпало, что я откатился назад, когда Аля хотела вылить кофе?

– Нет. Миры завязаны на тебя. Поэтому это происходит в момент твоей наивысшей нестабильности, другими словами, когда ты нервничаешь.

– Да понял я. И чем же это опасно?

– Такие глюки потихоньку разрушают мир. Ткань реальности стремится к устойчивому «замкнутому» состоянию. Чтобы предотвратить разрушение, реальность может избавиться от тебя, а заодно всех близких. Тех, кто рядом.

– Приехали. И что делать?

– Первый шаг ты сделал: вспомнил и осознал прошлое. Осталось его принять. Сила, которой ты владеешь, не шутки. Ты должен научиться контролировать её, управлять во благо. Иначе она так и будет самопроизвольно выливаться в сны. И не только.

– То есть я вижу эти странные сны, потому что не могу толком управлять силой?

– И это тоже. Но сила течёт туда, где живут желания. Ты

не простой смертный, самообман в твоём случае смерти подобен.

– Ты намекаешь...

– Да что тут намекать? – Рассердилась бабушка. – Талдычу одно и тоже целый год. Или ты считаешь, что я просто хочу исполнить старческую прихоть и женить тебя на внучке подружки?

– А что нет? – упёрся я рогом.

– Так, дорогой внук, кажется, мы засиделись, и тебе пора домой.

– Извини.

Попросить прощения в этот раз не составило труда. Бабушка права. Не в том, что мне пора домой, само собой.

У меня были причины выбрать Алю. Да что там, причины есть всегда. Когда мы выбираем кого-то, наступая на горло любви, в этом есть рациональное зерно. От голого циничного расчёта до сложных и порой возвышенных размышлений о том, что мы «читали в детстве одни и те же книги, смотрели одни и те же фильмы», что наш избранник из хорошей семьи, у него великолепный характер, он с нами одной крови.

Но всякий раз оказывается, что когда мы выбирали разумом, кровь только на расстоянии виделась такой же. Через несколько лет придётся признать, что рядом чужой человек. Когда-то вы проснетесь и удивитесь, что делает в вашей постели этот посторонний?

И что же дальше? Смелые и безрассудные решаются на

развод. Но число их ничтожно мало. Большинство в ужасе оглядывается и понимает, что подрастают дети, квартира куплена в ипотеку, на даче кипит строительство дома, а летом запланирован тоскливый семейный отдых в Турции и уже внесена предоплата.

«Что я, не потреплю?» На помощь приходят книги, фильмы, настолки, компьютерные игры, лента тик тока. Двери в другие миры. Пусть и ненастоящие.

Но я был магом. И мог позволить себе открыть настоящие двери. Быть с любимой не в мечтах, а в реальности. Пусть и не в нашей.

Разве смел я предъявлять претензии бабушке, которая пыталась меня предостеречь? Она снова оказалась права.

– Извини, – искренне повторил я.

Мы немного помолчали.

– Хорошо, давай дальше, – простила меня бабушка.

– В другом сне я бежал по мелким осколкам, а когда проснулся, ноги, да и руки, оказались изранены наяву. О, Боги мои, а ещё я видел распятую на ржавой сетке Нину. Получается, это правда? Она в опасности?

– Стоп. Нам нужно отделить зёрна от плевел. Далеко не каждый сон – дверь в другой мир. Но если ты проснулся, а на ногах остались раны...

– Именно в этом сне я видел Нину распятой!

– С порезами как раз всё понятно, это не новость. Я только что рассказывала, что такое с тобой случилось и в детстве.

И это тоже опасно. Ткань реальности лихорадит. Ты должен принадлежать только одному из миров.

– А что с Ниной?

– Часть того, что ты видишь во сне – игра подсознания. Твои опасения, размышления, предвиденья – всё это мешается с чужой реальностью. Именно то, что ты выпадаешь в другие миры не осознанно, а во сне, создаёт путаницу.

– Но как такое возможно? Или это другой мир, или игра подсознания.

– Ты слишком быстро прыгаешь во сне туда-сюда. Выпадаешь из другого мира в сон, так что для тебя это сливается в одно сплошное сновидение. И в этом тоже заключается опасность.

– Тебя послушать, так всё опасно.

– То, о чём мы говорим – да.

– Ладно. Как я уже сказал, это не всё. Царапины – это ещё не всё. Я находил у себя в карманах предметы из снов, то есть из других миров. К примеру, сигареты.

– Для переноса предметов, тем более из неосознанного состояния «сна» и правда нужна недюжинная сила. Но меня это пугает. Ты в большой опасности, если не сможешь быстро взять всё под контроль.

– Постараюсь. Но ведь чертовщина творится не только во снах. Да вот сейчас, что далеко ходить! Перед тем как приехать к тебе, привиделось, что на капоте майбаха лежал котёнок. Я был уверен, что привёз его сюда. Ты рассказала, что

много лет назад в семье жил похожий котёнок по имени Дар. А потом я обнаружил себя вновь стоящим возле машины в лесу. Что это было?

– Ой, как нехорошо. Такой кот и правда был. Мне нужно всё обдумать. Кое-что освежить в памяти, перечитать одну книгу, поговорить... кое с кем.

– Ба, то есть в схему с другими мирами этот случай не укладывается?

– Не хочу пугать тебя, но нет. Такое впечатление, что наша родовая магия (кот-то точно наш) переплелась с чьей-то ещё.

– Мы сейчас постоянно вместе с Блонди. Она, кстати, частично владеет способностями Нины. Правда, на кладбище Блонди со мной не было. Может это её магия мешается с нашей?

– Нет. Это что-то совершенно другое. Но вот новости про Блонди мне совсем не нравятся. Что-то не так, такого быть не должно. Я должна обо всём подумать.

– Хорошо, но мы скачем с темы на тему. Ты начала объяснять, почему я принял смерть отца, а мамы – нет.

– Для начала, ты принял и поверил в их смерти. Но смириться с потерей мамы, которая была особенно дорога тебе, не смог. Тогда ты начал открывать двери в другие миры, мы только что обсудили, как это опасно. Пришлось принять трудное решение и просить Агриппину Тихоновну заморозить твою силу.

– Да-да, это всё понимаю, а дальше? Ты сказала, что силу,

которая передалась от мамы, я стал воспринимать как продолжение её образа. Что это значит?

– Часть силы, которая передалась тебе, бунтовала. Как бы объяснить. Ты начинал грустить о маме, а сила в это время рвалась наружу, её нельзя было удержать никакими сдерживающими ритуалами.

– Ба, прости, звучит очень по-книжному, но ни хр... совсем не понятно.

В воздухе повисло напряжение. Бабушка вроде говорила по-русски, но я совершенно не понимал, что она имеет в виду, и это раздражало. Что за «сила как продолжение образа матери»? У нас не научная конференция. Что значит «сила начинала бунтовать»? Ходила с плакатом и требовала выпустить немедленно наружу? Если бабушкины книги написаны таким языком, я много не потерял оттого, что не прочитал их. Только ещё больше запутался бы от таких пояснений.

Бабушка немного подумала и терпеливо предложила.

– Давай попробую объяснить по-другому. С самого начала. Я считала, что заморозки силы будет достаточно. Ты станешь (хотя бы на время) обычным мальчиком. Погрустишь, но примешь смерть мамы. Повезла тебя на могилу, чтобы попрощался. Надеюсь, время залечит раны и станет легче. Но часть силы продолжала бродить в тебе. Какие-то крохи, которые просачивались из-за «запертой двери». Пока всё понятно?

– Пока да.

– Ты уже и сам понял, что сам того не ведая, проводил ритуал. Трудно было не заметить, что ты всякий раз пускал себе кровь, поранив руку об оградку. Только после этого мама «выходила» из дома. Прежде всего она стремилась к ране.

– О том, что это своеобразный ритуал, я догадался. Но почему только с мамой?

– Мамина сила, даже скованная в тебе, всё равно прорывалась наружу. Это первое. Второе – ваша близость.

– Хорошо. Но я не понимаю. Кого я видел? Фантом, порождённый воображением? Призрак мамы?

– Боюсь, ты беседовал сам с собой. С подсознанием, если угодно. Сообщила ли мама хотя бы раз что-то такое, чего бы ты не знал?

Я медленно покачал головой.

Нет, ничего такого, до чего я не мог бы дойти сам, мама не сообщала. По зрелом размышлении разговоры с мамой и правда напоминали погружение в подсознание. Но если это просто мираж, призрак, плод воображения, то почему я видел маму только после того, как обильно проливал кровь на мраморную могильную плиту, поранив руку об кладбищенскую оградку? Дом вместо могилы я видел и так, а вот маму только после кровопускания.

Ещё меня смутил тон бабушки. Обычно уверенная профессорская речь сменилась бодрым лепетом выпускницы, которая старается убедить учителя, что к экзамену готова.

Но если я не могу положиться даже на бабушку, то кому

в этом мире можно верить? Потерять последнего союзника, да ещё кровного родственника, я не мог.

Мне не хотелось возражать бабушке и по другой причине. Тайный страх, что она сейчас развеет мои сомнения, пояснив, для чего нужна кровь, сковал горло. Да, это нелепо. Взрослый мужчина не может руководствоваться детскими страхами и надеждами, он должен смотреть в глаза правде. Тем более, если мужчина маг.

Но как же хотелось верить, что в той, с кем я беседовал, есть что-то от мамы. Что-то настоящее. Призрак ли она, слабая тень, которая со временем навсегда исчезнет, отблеск былой личности. Но это мама. Мама, с которой я мог разговаривать.

«Я люблю тебя, люблю. Знаешь, как? Есть на небе самая яркая звезда в туманности Тарантул. R136a1. Я люблю тебя, как до неё и обратно.»

А потом... такое долгое потом. Длиной с расстояние до туманности Тарантул, до самой яркой звезды R136a1. Когда всё исчезнет, но останется одна надежда. Увидеть тебя, мама.

Мы все в конце концов исчезнем. Наступит тепловая смерть Вселенной, и не останется никого из ныне живущих. Даже памяти о нас, ведь помнить могут только живые.

Всё, что царапали гении на стене вечности, удивительные книги, завораживающая музыка, пронзительные мысли. Всё рассыплется в прах. И не будет иметь значения, как называются частицы, из которого он состоит.

Я задохнулся от горечи, внезапно заполнившей рот. Руками, ставшими внезапно влажными, схватился за спинку стула. Мысли, которые должен гнать от себя любой здравомыслящий человек, настолько овладели мной, что на миг я стал воплощением отчаянья и боли. Всё абсолютно бессмысленно, и исход предрешён.

– Плохо тебе? Ты что-то побледнел, – донёсся откуда-то издалека голос бабушки.

Продравшись сквозь поток экзистенциального ужаса, я кое-как вернулся в реальность. И решил оставить перевести тему. Цепочка с фигурками животных всё ещё вызывающе висела на шее у бабушки, и я попросил:

– Расскажи про кулоны. Ты же не просто так надела украшение? Драгоценность из белого золота, которую неучи принимают за серебро. Сегодня я вспомнил, как первый раз ты отвезла меня на могилу мамы. Ещё в электричке я выпросил поиграть цепочку с кулонами. Интересный выбор: змея, белка и кот. Я бежал по лесной дороге, сжимая в руке доверенное ненадолго сокровище, как вдруг увидел белку, с которой всё и началось. Ты, кстати, так и не смогла её увидеть. Белка привела на могилу мамы. И каждый раз, когда я приезжал, белка сопровождала меня. Это не настоящая белка? Тоже проявление маминой силы?

– На цепочке символы нашей семьи. Змея – внешний круг магии, кот и белка –внутренний.

На цепочке символы нашей семьи. Змея – внешний круг магии, кот и белка – внутренний

– Бабуля! – застонал я.

Бабушка недовольна покосилась на меня, но сменила академический тон на человеческий.

– Хорошо. Символы идут от общего к частному. Так понятнее? Змея – сакральный магический символ, который объединяет наш род со всеми другими магическими родами мира. Змея, кусающая себя за хвост – символ магии, колдовства, мудрости, мужского и женского, жизни и смерти, бессмертия, вечно воспроизводящей себя жизни, реинкарнации, плодородия, власти ведающих над не ведающими, целительных сил, медицины.

– Как интересно. А я также слышал, что змея – символ коварства, двуличия, смерти, яда, предательства, тёмной магии, – заявил я исключительно из чувства противоречия.

– Ты прав. Но и свастика, которая сейчас ассоциируется с фашизмом, экстремизмом и терроризмом, у древних народов была символом жизни и благополучия, служила оберегом от злых духов, а в христианской иконографии служила одной из форм креста. Если змея, обвитая вокруг посоха – символ медицинской профессии и медицины в целом, то змея, кусающая свой хвост – известная эмблема уробороса. Символ известен с Древнего Египта, затем его ценили в Греции и Византии, позже облюбовали алхимики, а за ними и

масоны. Теперь по нему узнают друг друга маги, а кое-кто считает, что и затерявшиеся среди них масоны.

Слова бабушки вызвали смутную тревогу. *«По нему узнают друг друга маги»*. Змея – символ магии. Змея. Почему-то к образу змеи добавились слова, зазвучавшие в моей голове женским и мужским голосами: *«Ты теперь не один»*.

Я тряхнул головой, пытаюсь сложить воедино ускользающие воспоминания, но похоже слишком сильно, потому что мелькнувшая было разгадка затерялась среди вороха информации, которую обрушила на мою голову бабушка.

А от последней ничего не утаить.

– Что-то не так? – тут же насторожилась она.

Пришлось покачать головой, сказать-то было нечего.

– Хорошо. На чём я остановилась?

– На белке и кошке.

– Только кот, а не кошка. Я уже рассказывала про Дара. Без него развитие нашего магического рода могло пойти иначе и, боюсь, не в лучшую сторону.

– То есть кот – символ нашего магического рода?

– Можно сказать и так, личный оберег.

– А белка?

– С белкой немного сложнее, – я с удивлением увидел, что бабушка смутилась. – В нашем роду в основном все старались стать практиками, но я сосредоточилась на теории и, как мне казалось, неплохо в ней поднаторела. Раньше я считала, что белка символизирует в нашем роду именно женское

магическое начало, поскольку сила передавалась только по женской линии. Белка – символ вечного движения, женского начала, адаптивности, быстроты, активности, сообразительности и преданности делу. Именно с белками испокон веков сравнивали образцовых хозяек, у которых всё спорится и горит в руках. Считалось, что неуёмной энергии белок хватает на все дела, главным образом, на домашние, и заботу о потомстве. Вот эту неуёмную женскую энергию, только магическую, и избрал символом наш род. Поэтому я считала, что разгадала тайну амулетов.

– Ты хочешь сказать, что цепочка в семье давно?

– Да, это фамильное украшение и древний амулет. Каждый кулон обладает силой.

– То есть до тебя никто не знал, что означают амулеты?

– Да. Но теперь я сомневаюсь в правильности своего толкования.

– Но почему?

– Белка показала тебе могилу мамы.

– И что же не сходится?

– То, что ты мужчина. Я считала белку символом именно женского начала.

Я благоразумно промолчал о том, что вообще-то белка в скандинавской мифологии – существо, которое сеет раздор и клевету, а в христианстве – символ разрушительных, жадных животных и ассоциируется с дьяволом. Впрочем, бабушка наверняка знала об этом и без меня. Она могла бы

снова привести в пример свастику, но я полагал, что всё глубже. У медали две стороны, светлая не исключает тёмную. Так и символ женского начала «протянул руку» мужскому в моём лице.

– А я слышал, – заметил я как бы невзначай, – что встретить белку значит оказаться в нужном месте в нужное время. Рыжий зверёк может указать путь к чему-то очень важному. Собственно, так и произошло.

– Возможно, – рассеянно согласилась бабушка, думая о своём.

Настала моя очередь поинтересоваться:

– Что-то не так?

– Давай порассуждаем. Твоя сила после заморозки частично растеклась по нашему району. Почему?

– Ты всё время намекала, что есть причина, и ты её знаешь, – немного надулся я.

– Да. Но если задуматься, то как замороженная сила могла куда-то утечь?

– По закону сохранения энергии, – пожал я плечами. – Где-то убыло, где-то прибыло. Сумма должна оставаться неизменной. Это хорошо объясняет и то, что всё закончилось, когда сила ко мне вернулась.

– Это поверхностное объяснение.

– Разве? Почему лужа на полу растекается до какого-то определённого предела? Здесь мог сработать физический подобный закон... распространения энергии, – добавил я

неуверенно.

– Сила никуда не делась, всего лишь замерла, «законсервировалась» внутри тебя.

– Какое объяснение у тебя?

– Я предполагала, что ты магнит для своей силы, поэтому она не могла «убежать далеко». Но это не так. Недавно посчитала, какая сила должна была в тебе остаться, чтобы служить магнитом.

– Посчитала?!

– Ну да. Магия – чистая математика.

Я решил, что если мы углубимся в математику, то закончим разговор недели через две, и поспешно спросил:

– Окей, магнит отмечаем. Тогда какое объяснение?

– Так могло произойти только в случае, если неудачно провели ритуал. Но я уверена в Агриппине Тихоновне. Придётся откинуть все несостоятельные варианты. Я вижу в этом волю. Чужую враждебную волю, а не физический закон. В таинство кто-то вмешался. Силу «выманили из тебя» и использовали. Это не было случайностью, как мы думали всё это время.

– Но кто? И как? – растерялся я.

– Порассуждаем на пальцах. Давай предположим, что кто-то знал о том, что мы планируем ритуал заморозки силы, а ещё догадывался, как твоя сила велика.

– Но об этом никто не знал, кроме твоей подруги. Ты же не подозреваешь Агриппину Тихоновну?

– Разумеется, не подозреваю. Ты снова перебиваешь. Чтобы проделать фокус с передачей энергии определённым людям, нужно всего лишь знать место и время ритуала. Просто, да? Проблема в том, что знать нужно точное время, чтобы синхронно начать свой ритуал. А вот это уже затруднительно.

– Ба, послушай. Такое обвинение очень серьёзно.

– Другого объяснения нет. Я гнала от себя эти мысли, но происходит что-то страшное. Кто-то стремится заполучить великую силу. Для этого он собирает колоду Кроули, но, как я вижу, не сбрасывает со счетов и тебя. Странный случай с видением наяву, новые способности Блонди. Поэтому тебе и нужен ясный взгляд, освобождённый от любых иллюзий. Ты должен разобраться как можно скорее, что за чертовщина происходит. Пока не стало поздно. А ещё подумай о том, что сила возвращалась к тебе медленно, постепенно, а Усилитель перестал работать в одночасье, когда ты об этом заявил? Тебя никогда это не удивляло?

– Ба, я не знаю, за что хвататься.

– Ничего, разберёмся. Но скажи, куда пропала Блонди?

– Сам не знаю. Она периодически пропадает, потом появляется. Сегодня не показывалась весь день.

В глазах на мгновение потемнело, и я, пошатнувшись, схватился рукой за стол.

– Серёжа, что с тобой? – Встрепенулась бабушка. – Плохо тебе?

– Ничего-ничего, – пробормотал я и почувствовал, как пересохло горло. – Сейчас немного посижу и поеду.

– Тебе нельзя за руль!

– Да я выпил полбокала. Хотя... попрошу Сашку забрать машину и подкинуть меня до дома.

– Вот что, оставайся сегодня у меня. Слишком сильное потрясение. Тебя перетряхнуло и физически, и морально, и магически. Сцена на кладбище, про которую ты рассказал... это очень тяжело. Ты должен отдохнуть.

– Ба, я домой. Аля ждёт, у нас сейчас трудный период.

– Ты серьёзно? После всего, что мы обсудили, беспокоишься об Але?! Ты потерял маму.и

– Но я не могу поступить как подонок, – ответил я, еле ворочая языком.

Несмотря на то, что я и правда выпил всего полбокала вина, ощущение было такое, словно уговорил бутылку вискаря, не меньше. Бабушка смотрела с тревогой и жалостью.

– Не могу вот так не приехать домой, – трудно выговорил я.

– Позвоню я твоей Але, не волнуйся, – раздражённо бросила бабушка.

Я протестующе замотал головой:

– Не.

Попытался встать, но в глазах потемнело, и я провалился в желанную **ТЬМУ**.

Глава 2. Тьма

Под ногами переливалась, сверкала, искрилась россыпь необычного песка, состоявшего из крошек драгоценных камней. Кажется, преимущественно сапфиров, судя по синеватым отблескам. Ступать по песку оказалось сплошным удовольствием: он был мягким, тёплым и нежным. Сколько я ни кидал жадный взгляд вокруг себя, пейзаж оставался неизменным: трепетная сверкающая дымка на горизонте, бриллиантовое сияние под ногами. Свежий бриз намекал, что где-то совсем рядом плещется желанное море. Давно я не чувствовал такой лёгкости, умиротворения и спокойствия, как сейчас.

От странного сияния рябило в глазах, меня слепило разлитое вокруг счастье. Я мог бы написать стихи не хуже Бродского, легко разобраться в устройстве мира, поспорить с Эйнштейном и поставить наконец-то точку в теории струн.

Так. Кажется, всё это уже было. Я во сне – внезапно осознал я. Вернулся в тот же сон, интересно.

Много слышал об осознанных сновидениях, но никогда не пытался практиковать. По словам бабушки, я откалывал штуки похлеще. Итак, надо разобраться: я в другом мире, или со мной говорит подсознание?

В прошлый раз всё началось с появления силуэта Нины.

Я поспешно огляделся: со всех сторон меня окружала нереальная синева. Песок из сапфиров под ногами, небо над головой, море в отдалении. Что же, подождём.

Как я и предполагал, ждать пришлось недолго. Сначала раздался хлопок, затем жуткий треск, словно огромная гора развалилась пополам. Теперь я стоял на сером тускло освещённым пяточке. Слева и справа от меня бурлил туман, в тумане что-то шевелилось.

И вот слева туман рассеялся. Пахнуло ванилью и сдобой. Я увидел просторную кухню, залитую мягким светом, большой стол и удобные кресла. Аля в коротких шортах, растрёпанная, босая, такая домашняя, что у меня внезапно защемило сердце, ставила на стол чашку. Подруга заметила меня и улыбнулась, призывно махнула рукой: мол, иди скорее, пока кофе не остыл.

Я сделал было шаг по направлению к Але, как мир моргнул, ноги прилипли к серому пятну странной поверхности, на которой я стоял, а горло сковало холодом. От меня отделилась тень и скользнула к Але.

С возрастающим удивлением я наблюдал, как моя копия обнимает Алю, а затем пара делает несколько шагов по кухне в ритме танго. Тень галантно усадила подругу в кресло, та придвинула к себе чашку и заговорила о планах на отпуск, о скидках в супермаркете, о мелочах, которые делают жизнь предсказуемой и понятной. Всё просто, спокойно, почти идеально. Комната пахла уютом, безопасностью и лёгкой

скукой.

Откуда-то справа повеяло лёгким бризом. Я медленно обернулся и посмотрел туда, откуда из тумана проступал другой мир. Причудливые тени танцевали под лунным светом. Плотный воздух искрился, напитанный древними заклинаниями. Из серого марева шагнула Нина. Я едва различал силуэт, освещённый неверным пламенем свечей, которые то вспыхивали, то гасли. Шелест шёлка, аромат полыни, первобытная опасность, разлитая в воздухе.

Нина не произнесла ни слова. Она молча смотрела, и в этом взгляде было всё: обещание, признание, боль и свобода. А вокруг вспенивалась магия, размывая границы между реальным и возможным.

Я услышал, как Аля зовёт меня по имени. Добрым, нежным и встревоженным голосом, доносящимся издалека – как шум улицы за закрытым окном. Нина продолжала молчать.

Моя тень, которая беседовала с Алей, исчезла. Я повернулся к другому миру, в надежде, что тень появилась там, что мне не нужно ничего решать, но это оказалось не так.

Аля протягивала ко мне руки, губы её беззвучно шевелились. Нина всё также молча отступила на шаг, тёмные силуэты всё отчетливее проступали рядом с ней, они прикасались к её волосам, плечам, рукам. И откуда-то я знал, что если она возьмёт одну из теней за руку, всё будет кончено.

Я повернулся к улыбающейся Але. На столе стояла моя любимая кружка, я решил, что в любом случае её заберу.

Отхлебну кофе и ещё раз всё хорошенько обдумую.

Под ноги мне бросился чёрный кот с зелёными глазами, а на плечо вскочила белка. И я уже не испугался, когда о щиколотку ноги обвилась змея. Я поискал глазами тарантула, но не нашёл. «Идиот, он из другого сна», – ворчливо проворковал внутренний голос. «И ты тоже здесь?» – удивился я. «Ты всё время забываешь, что я – это ты».

Пока мы вяло переругивались, сверху по нитке-паутине спустился тарантул и завис в сантиметре от головы. Я сделал шаг по направлению к Алиному миру, и в тоже мгновение Дар укусил меня за щиколотку, а тарантул попытался дотянуться до уха, я едва успел отдёргнуть голову. Я окинул негодников строгим взглядом, и они виновато замерли.

С каждым моим шагом мир вокруг всё больше терял краски, а когда я взял чашку со стола, он (мир, хотя и стол тоже) уже был черно-белым. Аля радостно подбежала и обняла меня за плечи, но я повернулся туда, где тёмные тени исполняли огненную сальсу, освещённые неверным пламенем свечей. Нины среди них не было.

Я открыл глаза и с ужасом уставился на матовую чашку, которую прихватил во сне со стола. В спальню вошла бабушка и сразу всё поняла:

– Это из сна? – кивнула она на чашку и присела рядом со

мною на кровать.

– Не то чтобы... – я внимательно разглядывал перенесённый из страны грёз предмет, – точнее да, из сна, но у меня точно такая же чашка дома. О, это она! Вот здесь на дне пятно.

– Интересно. Как доберёшься до дома, поищи чашку. Сразу позвони независимо от результата.

– Хорошо. Ты думаешь, это та самая? То есть дома я такую не найду?

– Напротив, думаю, что найдёшь. Это её двойник из другого мира.

– Ба, – я огляделся, – но как ты дотащила меня сюда из столовой? Помню, что вырубился прямо там.

Бабушка махнула рукой:

– Не совсем вырубился. Что-то бормотал, находился в полубытьё. Дошёл своими ногами до спальни, хотя и с закрытыми глазами, я только обнимала тебя и направляла. Даже разделся сам.

–А Аля?

– Да позвонила я всем. И Саше твоему, чтобы машину отогнал в гараж. И Але твоей. Она что-то возражала, но я ответила, что ты всё объяснишь завтра.

– Спасибо, сейчас свяжусь с ней.

– Дай девочке выспаться, на часах начало шестого, ещё рано.

– О, я тебя разбудил?

– Что ты, я просыпаюсь с первыми лучами солнца.

– Но ты вошла ко мне, как только я открыл глаза.

– Мы не просто родственники, нас связывает не только кровь, но и магия в венах. Я всегда чувствовала тебя, но сейчас, когда род лихорадит, а ты в опасности, связь усилилась.

Я криво улыбнулся и потупил глаза от стыда: сам я не слишком-то беспокоился, как там бабушка. Но она снова всё поняла:

– О, даже не переживай. Родители любят детей больше, чем дети родителей. Отпрыски вырастут и будут беспокоиться уже о своих. Таков мир. Будь он устроен иначе, жизнь на земле давно бы прервалась. Помнишь, как у Пушкина: «Тебе я место уступаю: мне время тлеть, тебе цвести.»

– Да, но... Я люблю тебя, родная. Хотя часто веду себя, как эгоист.

– Знаю, – бабушка на миг прижала мою голову к себе и тут же встала, чтобы скрыть выступившие слёзы.

– Баб, – у меня ком встал в горле.

– Родители не должны хоронить детей, это противоестественно. А я всё это время должна была делать вид, что моя дочь жива. Я чувствую сейчас и облегчение, и снова вместе с тобой переживаю скорбь потери. Одновременно, понимаешь? Это раздирает меня на части и сводит с ума. Ладно, всё пройдёт. Жизнь продолжается. Что хочешь на завтрак?

Я хотел было махнуть рукой и сказать, что перехвачу кофе по дороге домой, но улыбнулся и ответил:

– Что хочешь. Ты бесконечно вкусно готовишь, и я скуочаю по твоим завтракам. По нашим.

Бабуля просияла и улыбнулась:

– Умывайся.

А я с наслаждением вытянулся на своей старой кровати. Семья – это не только фотографии в альбомах. Это совместные завтраки и ужины, время не только новостей, но и шуток, смеха и взаимного тепла. Большинство семейных баек рождается именно за столом.

Я задумался, не от того ли так часто стремился позавтракать где угодно, но только не дома, что не считал Алю семьёй?

Как же я не люблю ошибаться. Чтобы отогнать неприятные мысли, вскочил и помчался в ванную.

Знакомо ли вам ощущение, когда просыпаетесь утром, ещё не полностью отпустив ночные грёзы, ещё не до конца вернувшись в реальность, а на вас внезапно обрушивается плита из горя и отчаянья? А вы даже не понимаете ещё, что она означает. Так бывает, когда происходит что-то из ряда вон выходящее, настоящее горе, которое перетряхивает душу, как нищий на помойке приличного вида сумку.

Я переводил взгляд с предмета на предмет, а они теряли краски, словно я использовал хитрый фильтр. Утренний сон отступал, и я видел перед собой мамино лицо. Всюду, куда не поворачивался.

Всё это время мне было достаточно того, что она жива и

живёт за городом. Я даже не чувствовал потребности съездить в гости. Сейчас мне хотелось орать, кататься по полу и царапать себе лицо.

Не могу, не могу сейчас погрузиться в эту хтонь! Я. Должен. Найти. Нину. Во всём разобраться.

Заставил себя умыться, несколько раз тоскливо позвал Блонди, затем щелкнул пальцами и попытался почувствовать Нину. Ни в чём не преуспел.

А в ванную уже проник манящий запах с кухни. Бабушка нажарила сырников. А мне снова даже смотреть не хотелось на еду, и странным образом снова, как только сел за стол, почувствовал голод.

За завтраком мы болтали, стараясь не затрагивать ни смерть мамы, ни моё расследование. Нам требовались передышка, глоток кислорода, минута спокойствия, пусть даже и мнимого. Удивительно, но было хорошо, несмотря на поселившуюся в душе боль. Я падал в пучину и выздоравливал одновременно.

Поблагодарив бабушку за вкусный завтрак и чмокнув в щеку, я решил отправиться домой, чтобы поговорить с Алей и переодеться. Но бабушка догнала меня у порога и что-то сунула в руку.

Я разжал ладонь и увидел цепочку из белого золота, с кулонами в виде животных, покровителей нашего рода. На меня смотрели *белка, змея и кошка*.

– Ба...

– Возьми. Чувствую, тебе пригодится.

– Ба, но это женское украшение!

– Не говори ерунды, – рассердилась бабушка. – не женское, а магическое! В нём сила нашего рода. Раньше принято было как: старшая в роду амулеты передала, ей в ноги кланялись, край платья целовали!

Я с серьёзным видом поклонился и сделал попытку поцеловать нижний край бабушкиной штанины.

– Иди уже, – рассмеялась «моя старшая из рода». – Не паясничай! И береги амулеты. А главное, себя береги, родной.

Мы обнялись, и бабушка настояла на том, чтобы собственноручно надеть цепочку мне на шею.

Поскольку Саша забрал майбах, пришлось ехать на такси. И тут я ещё раз осознал, насколько вчерашнее происшествие на кладбище выбило меня из колеи: каждое утро начиналось с того, что я, едва открыв глаза, первым делом хватался за телефон. Но сегодня про него даже не вспомнил и стал искать только чтобы вызвать машину. Вчера бабуля выключила сотовый, чтобы мне не мешали спать, и, включив его сейчас, я обнаружил семь пропущенных от Али.

Набрал подругу уже в такси:

– Привет.

– Привет, – голос Али звучал нейтрально-сдержанно.

Подруга не добавила ни «зайка», ни «зай», что ж, я заслужил.

Я мучительно думал, стоит ли делиться с Алей новостью о смерти мамы прямо сейчас. С одной стороны, это сразу сняло бы все вопросы, с другой – не хотелось говорить при постороннем. Аля наверняка засыплет вопросами, а отвечать при таксисте, пусть я его никогда больше и не увижу, не хотелось.

– Прости, пришлось вчера кое-что обсудить с бабушкой, и я вырубился от усталости прямо за столом. Даже не помню, как ба довела меня до кровати. Уже еду домой, скоро буду. Расскажу подробности.

Аля немного помолчала, а затем с нескрываемым сарказмом спросила:

– Дай угадаю: вчера был тяжёлый день? И ты, разумеется, не нашёл времени, чтобы заехать к психологу, хотя обещаешь уже несколько дней, но нашёл заехать к родственникам? Делиться сокровенным резко расхотелось.

Аля по сути права: я давно обещал пообщаться с её психологом, а сам откладывал и откладывал посещение, потому что сейчас совершенно не до этого. А ещё не верится, что визит к эксперту может склеить трещины и добавить огня. Для Али же нет ничего важнее наших отношений, тогда как для меня на первом месте поиски Нины, которую подруга считает соперницей.

Кроме того, Аля не знала о том, что произошло вчера, она

не хотела обидеть или ранить меня.

Но всё это не имело значения: руки всё ещё ощущали холод мраморной могильной плиты, а чёрно-белый мир стремился сжаться в невидимую точку. Мама умерла не вчера, а много лет назад, и это ранило ещё больше: все эти годы я горько обманывался. Я осиротел дважды: в тот день, когда её не стало, и вчера, когда об этом узнал.

Сейчас мне хотелось только одного – бросить трубку, и я с трудом сдерживался.

Аля неверно истолковала молчание:

– Нечего сказать?

– Приеду, и мы поговорим.

– О нет. У меня дела. Буду... когда буду. Тем более, мы всё равно не едем сегодня за город. И завтра не едем, что уж.

– Ты знаешь, почему.

– Мне от этого должно стать легче?

– Дождись меня, пожалуйста. Нам надо поговорить, – я сжал виски руками: подруга просто невыносима.

– Так привык, что весь мир к твоим услугам? Захотел – не пришёл ночевать. А теперь хочешь поговорить, и я должна отменить планы?

– Я попросил. А ты поступай как хочешь.

Прервал звонок и увидел в зеркале заднего вида, как водитель покачал головой и одними губами прошептал: «Стервы».

Али дома не оказалось, хотя я надеялся, что она меня до-

ждётся. Что же, поговорим вечером. Я обошёл квартиру, в каждой комнате пытаюсь призвать Блонди, но ничего не добился. Зато на кухне обнаружилась матовая кружка, стоявшая как ни в чём не бывало на полочке. Я пристроил рядом с ней соседку-близняшку.

Ещё раз принял душ, частично из-за коварной жары, спозаранку захватившей город, частично из стремления смыть с себя грязь и ужас, которые продолжали тянуть ко мне загребущие лапы. И самое страшное, что эта на голову свалившаяся хтонь прекрасно ладила с тьмой, снова поднявшейся со дна моей души.

Я переоделся и вышел из дома, без плана действий, без единой мысли в голове.

Часто в детстве ловил себя на мысли, что мир нереален. Невероятные декорации, расставленные вокруг неведомым шутником с безупречным вкусом, рассыпающееся в руках на голубой, багряный, серый и чёрный цвета небо, пронзительно-изумрудная листва, её мучительно-печальный и свежий запах после дождя, вкус карамели и прохладной воды, ватные хлопья тумана – всё это казалось избыточно прекрасным, прорисованным миражом, вещим сном.

Взгляд упирался в горизонт, упорно напоминающий раскрашенную картонку, дойти до которой нет никакой возможности: тот, кто зачем-то ограничивает наш мир, отодвигается ровно настолько, насколько я могу подойти.

Я привыкал к этому миру, забывал о его странностях, без-

мятежно отдаваясь играм, заботам, рутинной повседневности, но время от времени кто-то невидимый толкал меня в плечо, подмигивал и шептал: «Очнись, посмотри вокруг».

Тогда я пристально, до боли в глазах, всматривался в окружающий мир, пока он не начинал расплываться в стороны радужными пятнами. Затем долго, до тошнотворного головокружения точно также вглядывался в глубину души, высматривая там своё «я» или что-то хотя бы отдалённо его напоминающее. Пытался соотнести увиденное с телом, мыслями, эмоциями и ощущениями. И снова терпел неудачу: вопросов и необъяснимых странностей всякий раз оказывалось больше.

Чаще всего мир «подмигивал» мне, когда сам слегка спотыкался о порог: ностальгически долго тянул с закатом или слишком восторженно быстро выкатывал рассвет. Но самым странным и загадочным временем оставались сумерки. Они рисовали на лицах большинства людей задумчивую печаль, окунали предметы в дымку, которая делала их неузнаваемыми, наполняли сердца томлением и негой.

Раньше я ошибочно принимал эти чувства за желание близости и любви, а потому нещадно давил в себе эти проявления. Теперь же знаю, что во мне поднимала голову магия, которая начинала раскрашивать мир широкими мазками по своему усмотрению.

Я начинал видеть зыбкость и иллюзорность мира, его проплешины и изъяны, наблюдал, как порой рвётся ткань реаль-

ности, открывая другие миры, которые можно разрисовать по своему усмотрению.

Но теперь даже солнечным утром я видел насквозь фальшивые идеи, которыми пропитан город, задыхался в его величавой эстетике.

Голову слегка кружил легкий ветер, невидимыми прозрачными нитями связывая меня с узкими улочками центра. Я чувствовала лёгкое покалывание в кончиках пальцев, поднимающий голову зуд, слышал нетерпеливый шёпот: «Давай свалим отсюда снова».

Невольно я прикрывал глаза и переносился туда.

Там солнце стремительно падает в ладони, тогда как ты раскрыл их, чтобы поймать летящий мяч. На верхушке огромной сосны раскачивается лёгкая дымка удачи, готовая навсегда соединиться с теми, кто готов мечтать и поднять голову. Антрацитовое небо сменяется такой пронзительной голубизной, что больше не верится ни в горе, ни в смерть.

Там я больше не работаю продавником, а пишу книги, потому что это тоже способ открывать двери в другие миры. У мира больше нет границ, нет паспортного контроля, языковых барьеров и военных конфликтов.

Больше нет пробирающего до костей холода мраморной могильной плиты. Там жива мама, а значит, не нужно ухищрений и иллюзий, для того чтобы просто позвонить. Там в прозрачном пеньюаре сидит на подоконнике Нина и перекидывается с Луной только им понятными шутками. Там не

приходится ломать голову над решениями, рассуждая о том, что правильно, а что нет, кого больше затронет и заденет поступок, а можно делать так, как подсказывает сердце.

Там счастье легко утекает сквозь пальцы, но никто даже не пытается сжать кулаки, потому что все знают: кто-то случайно и неосторожно, а может, и с умыслом, разлил бесконечное счастье, как когда-то Аннушка масло на Патриарших, и это уже ни изменить, ни отменить, ни исправить.

Как соблазнительно.

Теперь я знал, что этот мир существует. Ни во снах, ни в моём воображении. Он реален.

И мир этот мне подвластен.

Секунда – и я буду там.

Но свалить в тот мир я не мог. Нина пропала в нашем, который я и все вокруг считали реальным. Если я исчезну, она так и останется бледной, ненайденной, никому не нужной тенью. Я должен, обязан найти ведьму, иначе мне никогда не будет покоя.

На короткий миг захотелось бросить всё, пойти в знакомый ресторан на Патриках и тупо нажраться дорогой односолодовой дряни, оплакивая вновь обретенное сиротство.

Вместо этого я набрал номер Степана и выслушал неприязненное сообщение о том, что абонент находится вне зоны действия **сети**.

Глава 3. Сети, расставленные арканами

По-хорошему стоило отправиться домой к Степану, ведь я наконец разжился адресом. Если негодяя не застану, можно поговорить с соседями, возможно, удастся узнать, когда он бывает дома, а если повезёт, то и другие интересные вещи.

Но я малодушно отложил визит. Слишком рано. Степан или работает, что вряд ли, или отсыпается, что более вероятно, учитывая всё, что я знал о его образе жизни. Кто знает, возможно, что скоро придёт сообщение, что абонент появился в сети.

Я забежал в ближайшую кофейню, но вместо кофе купил бутылку холодной воды. С наслаждением сделал глоток и набрал номер бабули.

– Да, дорогой. Приедешь? Мы вчера не успели всё обсудить.

– Обязательно, но позже. Скажи, а у кого ещё может быть твоя книга «По ту сторону тайн Кроули»?

– Так сразу трудно сказать. Была, само собой, у меня, Агриппины, Абаддона, Уфира, Эдварда...

– Перечисляешь пантеон демонов?

– Бывший круг общения. Кого-то с нами уже нет, как Агриппины, с кем-то потеряли связь. Давай поступим про-

ще: приезжай ко мне, и я расскажу *всё, что вспомню*.

Вот он, ключевой момент: «всё, что вспомню». Но я как раз и опасался, что бабуля не помнит, пропускает что-то важное.

– Обязательно приеду. Но всё же хочу попробовать сначала найти книгу.

– Даже не знаю, чем и помочь.

Внезапно меня осенило:

– Ба, а ISBN у книг были?

– Да, конечно. Мы печатали всё официально, хотя в последствии пожалели об этом.

– Отлично. Значит, книги есть в Ленинке!

– В РГБ? Вероятно, есть. Даже не приходило в голову.

– Спасибо! Ты лучшая. Полечу проверю.

– Наконец сменил пафосную развалюху на стильную метлу?

– Типа того, – от неожиданности ляпнул я.

– Ладно, – рассмеялась бабушка, – так что с кружкой?

– Ты была права, моя дома. Теперь у меня две одинаковые кружки. Приятно пополнять запасы в других мирах, бесплатно.

– Лучше бы я ошибалась. Ты должен это прекратить.

– Но как?

– Я же вчера объяснила. Взять всё под контроль. Найти то, что ты ищешь в других мирах, в нашем.

– А если я хочу сразу всё? – заявил я по привычке из чи-

стого упрямства.

– Внук!

– Хорошо. Подумаю. Люблю тебя, ба.

Я отсоединился, не дождавшись ответа, потому что подозревал, что ответом будет не: «и я тебя», а «о чём тут думать».

Через полчаса я уже стоял в очереди на оформление читательского билета, внутренне негодуя на то, что милые сотрудницы делали всё так медленно, словно их скорость выкрутили на 0,5. Три раза переписав анкету, вспотев и дойдя до точки кипения, я наконец-то получил заветный кусочек пластика с фотографией типа с кривой улыбкой и встрепанными волосами, в котором с трудом признал себя.

Ещё почти двадцать минут я бегал вокруг здания, разыскивая первый подъезд, а когда наконец-то нашёл, оказалось, что форму на выдачу книги можно заполнить онлайн. Увы, «По ту сторону тайн Кроули» в каталоге не оказалось. Минут через сорок безуспешных попыток предпринять хоть что-то для её поиска я набрёл на участливую женщину-библиографа лет сорока с добрыми усталыми глазами, которая объяснила, что книга, вероятно, не оцифрована или просто не занесена ещё в электронный каталог, но её можно найти в бумажном.

Пока повелительница бумажной картотеки искала книгу, я выпил вполне приличный кофе в кафе на первом этаже. А ещё через сорок минут сидел в читальном зале с массивны-

ми настольными лампами, а передо мной лежала «моя прелесть» – книга бабушкиного авторства. Я погрузился в чтение и на несколько часов забыл обо всём на свете.

Подобно тому как в прохладе читального зала жара на улице стала казаться нереальной, так при чтении «По ту сторону тайн Кроули» не верилось, что автор – моя родная бабушка. Я давно не читал ничего подобного. Хотя книга и изобиловала специфичной терминологией, она читалась легко, как детектив, и увлекала, как мотивационная литература. Ощущения, которые возникали у меня, взрослого парня, напоминали детские. Когда-то наше поколение зачитывалось геройской и приключенческой литературой, мечтая вырасти и стать такими же, как книжные кумиры. Вот только бабушкин фолиант будил иные, опасные желания.

По телу то и дело пробегали мурашки. Бабушкин гений сыграл с читателями злую шутку. Наследие Кроули оказалось огромным, найти хотя бы малую толику представлялось обманчиво заманчивым. К примеру, среди утерянных амулетов числилась пуговица Кроули. Но что она могла! Если заботливая женская рука пришила пуговицу к вашей рубашке, пиши пропало. Свобода, чувства, мысли отныне принадлежали не вам, а коварной хозяйке.

Но колода Кроули не шла ни в какое сравнение с другими амулетами и диковинами. Бабуля расписала не только историю создания колоды, которая могла служить и прекрасной инструкцией для воссоздания, точнее, наполнения энергией.

Несколько глав дорогая родственница посвятила примерам применения колоды.

Чтобы не утомлять вас долгим перечислением, скажу только, что колода могла исполнить любое ваше желание. Любое, понимаете? То есть соблазн найти и активировать колоду возникал у каждого. Бабушкино творчество снова (как в прошлом году с Усилителем) несло в себе опасность, впрочем, как и любой инструмент, который можно использовать как во благо, так и во зло.

Проглотив три четверти книги, я решил сделать перерыв и выпить кофе. Вокруг сновали деловые молодые люди с ноутбуками, так что обстановка скорее напоминала офис, несмотря на многочисленные книжные стеллажи и витрины. Две юные особы в коротких платьях, не стесняясь, устроили фотосессию. Я купил эспрессо и сэндвич с тунцом, присел за столик, разглядывая царившую кругом немую суету (все действительно старались вести себя тихо).

Слог бабули завораживал, но ничего нового в книге я не нашёл. Между тем за чтением незаметно пролетела большая часть дня. Посмотрев на часы, я обнаружил, что минуло пять часов вечера: пора бы уже и отправиться к Степану. Вряд ли в конце книги скрыта ценная информация. Я отправил смс Сашке, чтобы он привёз и припарковал майбах на ближайшей парковке на Воздвиженке, 10.

За соседний столик присела девушка с пухлым томиком, от которого она не отрывала глаз. В руках вертела пластико-

вую закладку, которую время от времени покусывала. Минуты через две девушка досадливо обвела глазами столик и поняла, что меню и официанты не предусмотрены, за кофе придётся идти к стойке самостоятельно.

Не нужно было обладать магическими способностями, чтобы понять, что происходит в голове бедняжки – она мучительно размышляла, стоит ли напиток того, чтобы на время оторваться от драгоценной книги. Интересно, что же она такое читает? Впрочем, неважно. Это невероятно трогательно, а потому я галантно предложил:

– Доброго дня. Могу угостить вас кофе и десертом?

Незнакомка вздрогнула и посмотрела на меня так, что я понял: до этого момента реальности вокруг неё не существовало, только мир книги и, возможно, небольшой тоннель, в конце которого виднелось вожаделенное кафе.

– Здравствуйте, – вежливо и отстранённо ответила девушка, – не нужно. Я не знакомлюсь.

И снова уткнулась в книгу.

– Я тоже, – я пожал плечами, – просто увидел, что вы поглощены чтением, и решил сэкономить вам время.

– Это очень любезно, но здесь все такие, все читают, – растерялась любительница книг и мило покраснела.

Я невольно залюбовался её румянцем и решил схватить быка за рога:

– Обещаю не спрашивать не только номер телефона, но даже ваше имя, и за столик не подсяду. Капучино? Чизкейк?

– Мне неловко.

– Сейчас всё принесу.

Через пять минут я поставил кофе и десерт перед пунцово-вой от смущения незнакомкой и ретировался за свой столик. Телефон пиликнул – пришло сообщение от Сашки: «Буду примерно через двадцать минут». Отлично, ещё пара глоточков кофе, и пойду за машиной. Я уже забыл про инцидент с кофе и мысленно обдумывал нюансы предстоящего разговора со Степаном, а потому не заметил, как поклонница пухлых томиков переместилась за мой стол, и вздрогнул от звука её голоса:

– Простите, не сказала спасибо. Я Альбина.

Поглощённый стратегией борьбы со Степаном, я не слишком приветливо глянул на незваную гостью, но увидев, как вытянулось и побледнело от досады её лицо, поспешил исправить неловкость:

– Приятно познакомиться и на здоровье. Я Сергей.

– Взаимно.

– Что читаете?

– «По ту сторону мифов».

– Это редкая книга?

– Вовсе нет. Просто дома читать совершенно невозможно.

У нас с мужем трое детей, ни минуты покоя. Раз в месяц приезжает свекровь посидеть с внуками. Это дни, которые я жду больше чем праздники: день рождения, Пасху, Новый год. Сразу убегаю сюда. Обожаю книги! В другие дни удаётся

почитать только ночью, но слишком устаю с сорванцами. К тому же, мелкий часто просыпается, приходится вставать.

Я кивал, стараясь сделать заинтересованное лицо, и думал о своём. А Альбина продолжала щебетать. Вот уж не ожидал, что короткий вопрос из вежливости повлечёт такой подробный рассказ про чужую жизнь. Можно же коротко ответить: «Нет, не редкая», и я бы уже откланялся, сдал книгу и шёл забирать машину. Альбина так быстро тараторила, что вклиниться в стремительную речь не было никакой возможности. Как только я открывал рот, любительница чтения смешно поднимала брови и тарыхтела ещё поспешней.

Альбина уже рассказала про вечно занятого на работе мужа и перешла к сюжету книги. Я сгрыз ноготь большого пальца, хотя избавился от вредной привычки ещё в пятом классе. Решил написать Сашке смс, чтобы тот позвонил мне, и я свалил под благовидным предлогом, что что-то случилось, как вдруг навязчивая собеседница произнесла:

– Обожаю финалы. Ведь авторы всегда оставляют самое интересное на конец истории.

В этом что-то было. Что если и бабушка оставила самые интригующие и тайные знания о колоде Кроули на последние главы книги?

Я вскочил с таким радостным видом, что Альбина замолчала на полуслове.

– Спасибо! Вы мне очень помогли! – я пожал руку невольной советчице.

Она вытаращила на меня глаза, но мне уже было всё равно. Я бегом вернулся в читальный зал. И не ошибся. Буквально с той главы, на которой остановился, началось самое интересное. Подробно расписывалось, что происходит с жертвой, энергию которой перекачивают в аркан. Нарушение сна, аппетита, галлюцинации, нервное истощение и припадки, подобные эпилепсии, инсульты и инфаркты. Смерть в конечном счёте могла наступить от чего угодно, но диагностировалась бы она как естественная.

Но это ещё не всё. Следующая глава рассказывала об удивительном моменте, который бабуля то ли забыла, то ли не посчитала нужным сообщить. И этот момент прекрасно объяснял, почему Кроули убивал жертв арканов. Это не было актом милосердия, и великий маг и чародей не наслаждался жуткими смертельными ритуалами. Всё оказалось намного проще. И объяснялось безопасностью.

В момент, когда вся энергия жертвы переходила в аркан, на короткий миг несчастный становился «отражением» аркана и мог распоряжаться почти всей его мощью. Как правило, этот миг пролетал незаметно, длился несколько секунд перед смертью жертвы и оставался для неё незамеченным. Но если она попала с сильным характером и волей к жизни, «момент силы» мог длиться и пятнадцать минут, и полчаса, и час. А может, и больше.

Если умирающий сумел осознать внезапно свалившуюся на него силу, себя к жизни вернуть не мог, а наворотить дру-

гих дел – запросто. Среди сил, которые «предлагал» в ассортименте аркан, оказалась, к моему большому удивлению, способность открывать двери в другие миры. Да, на секунды, но всё же! Я даже почувствовал некоторую ревность, потому что полагал эту способность своей эксклюзивной особенностью.

Ну и по мелочи: жертвы могли видеть призраков, сообщать с невиданной скоростью и проделывать другие приколные штуки.

Поразмыслив, я подумал, что на месте Кроули не слишком бы волновался: истощённые жертвы, измученные галлюцинациями, вряд ли могли осознать, что перед ними настоящий призрак или, хуже того, дверь в другой мир. Если только... арканы не скрывали что-то ещё. Может, жертвы могли в эти миры свалить?

Один из параграфов я перечитал несколько раз, но так и не понял. Даже после физической смерти тела жертвы некоторое время реагировали на манипуляции с арканом. Интересно, каким образом? Что это даёт? Или это просто «забавный факт», бесполезный, но любимый теоретиками? Нужно расспросить бабулю, если она помнит такие детали.

Но самую шокирующую информацию бабушка оставила напоследок. Последняя глава скупно сообщала, что мощи арканов хватило бы призраку для воссоздания человеческого тела. Если призрак, будучи ещё человеком, умер в три года или в восемьдесят лет, ему не обязательно возвращать

последний предсмертный облик. Предлагалось использовать альфа-тело любого возраста, лучше шестнадцати – двадцати пяти лет.

После ритуала с арканами призрак получал в распоряжение уже не альфа-тело, а тело, неотличимое от человеческого. Он мог есть, пить, курить, заниматься сексом (бабушка в книге сообщала, что ощущения призраков в альфа-теле при сексуальном контакте сильно отличаются от того, что чувствуют люди, хотя Блонди и утверждала обратное), словом, получать все преимущества, которые даёт физиология, но при этом, в отличие от человека, жить практически вечно, не старея и не страдая от болезней.

Я внимательно прочитал главу до конца и снова вернулся к её началу. Руки покрылись мурашками, а голова стала внезапно тяжелой. Липкие капли страха поползли по спине. Неужели? Неужели?

Мозг отказывался верить фактам, которые собирались в неприглядную мозаику.

Блонди. Запропастившаяся куда-то Блонди. Она интересовалась книгой бабули, и на это могло быть две причины: призрачная девушка искала теорию для того, чтобы проверить план с арканами, или у неё уже был план, и она стремилась замести следы, уничтожив книги. Ведь исчез не только бабушкин экземпляр, куда-то судя по всему пропала книга и из квартиры Нины.

Изменение магического договора, на котором настояла

Блонди. Её странные высказывания об «иной морали». Ссоры и непонимание с Ниной. Противоречия рассказа Блонди и того, что утверждала бабушка. Несоразмерная жестокость Блонди, которая проявилась вместе с её «самостоятельностью».

А подозрительно обширные знания Блонди о ритуалах, которые позволили найти карту под подушкой у Ирины?

А ещё у Блонди был мотив. Она никогда не скрывала, что её мечта – «вырасти» и обладать настоящим человеческим телом. Сейчас призрачная девушка получила альфа-тело, но ей хотелось большего.

Но бабушка уверяла, что выступить против Нины Блонди мешала магическая связка. Но что, если призрачная девушка сумела обойти эту досадную помеху? Бабуля считала, что призрак по договору может работать только с одной семьей, иное невозможно, но Блонди своим примером это опровергала. Так может, бабушкины знания устарели? Да и кто сказал, что *все* они истинны и неопровержимы?

Нет, я не мог поверить, что за всем стояла маленькая милая смешная девочка. Несмотря на ссоры, Нина и Блонди любили друг друга, да и не потянула бы призрачная малышка такую задумку в одиночку. Я уже не говорю о том, откуда призрачная девушка достала колоду.

Я поспешно, трясущимися руками сфотографировал последние страницы книги, сдал её обратно в хранилище и выскочил на воздух. Я звал Блонди сначала про себя, по-

том истово шептал её имя, нервно оглядываясь по сторонам, но заработал только пристальное внимание одного из полицейских. Пришлось поправить «невидимый» наушник в ухе, сделав вид, что увлечен разговором по телефону. Бдительный страж закона ещё немного побуравил меня глазами и отвернулся.

Я рысью добежал до стоянки, отыскал оставленный Сашкой майбах, сел на водительское место и задумался.

Где искать прозрачную девушку, которая, как видно, решила на время затаиться, я понятия не имел, а потому решил действовать по прежнему плану: навестить Степана. Перед визитом к мерзавцу я собирался заехать поужинать, но бабулина книга и мысли о Блонди убили аппетит. Сообщение о том, что телефон Степана появился в сети, так и не пришло. Для проформы я сделал контрольный вызов, выслушал ехидные гудки, вздохнул и решительно завёл мотор.

Но не успел я выехать со стоянки, как зазвонил телефон. Я с надеждой включил громкую связь. Неужели Степан? Нет. Аля. Конечно! Теперь она решила поговорить? В самый неподходящий момент.

– Привет.

– Привет, зай, – подруга старалась говорить как ни в чём не бывало. – Освободился?

– Нет ещё. Ты решила поговорить?

– Собираюсь к психологу, – ушла от прямого ответа Аля. – Позвонила твоему Саше, чтобы отвёз, но он сказал, что ма-

шина у тебя.

Что-то новое. Первый раз слышу, что Сашка куда-то возил Алю. Я не против, вот только почему-то ни мой личный водитель, ни подруга ни словом об этом не обмолвились. Судя по уверенной речи Али, возит её Сашка постоянно, и она к этому привыкла. Вот только если я сейчас начну выяснять этот вопрос, начнётся новый виток скандала. Обсуждение этой занятой новости вполне может подождать.

Не слишком ли много всего проходит за моей спиной?

– Да, у меня. Вообще-то это моя машина, и она мне сейчас нужна. Возьми такси или езжай на своей.

– Твоя-твоя, не спорю. Последнее время кружится голова, стараюсь за руль не садиться. Просто подумала, может ты заедешь к психологу вместе со мной? Давно же собирались. Как раз бы всё и обсудили, ты же хотел поговорить?

– Нужно смотаться в одно место, поздно освобожусь.

– Я надолго. Помнишь, говорила, что собираюсь выйти на работу? Будем обсуждать детали, это займёт весь вечер. Так что подъезжай, зайка.

– Не обещаю, но попробую.

Аля надолго замолчала, и я уже было подумал, что связь прервалась, как подруга горестно вздохнула. Что же, мне нечего сказать, ей, видимо, тоже.

– Пока, Аля.

– Зай!

– Да?

– Я... буду ждать тебя.

– Не знаю, как сложится вечер, понимаешь? Если всё будет хорошо, примчу обязательно.

– Надеюсь, сегодня ты и правда приедешь.

Аля явно старалась: она не давила, а приглашала, старалась говорить дружелюбно и не вспоминала утреннюю ссору, но мне всё меньше хотелось провести вечер в компании подруги и её ненаглядного психолога. Раздались короткие гудки. Тем лучше!

Я сосредоточился на поиске Нины и тут же выкинул Алю из головы. Пора выяснить, каким боком к делу относится **Степан**.

Глава 4. Степан

Дом, в котором проживал Степан, оказался на первый взгляд не столь помпезным, как высотка Ажана.

Но придомовая территория огорожена так, словно внутри находился военный или правительственный объект. Машину пришлось бросить на платной парковке почти в квартале отсюда. Минут двадцать я шарахался рядом с калиткой, пока к двери не подошла мамаша с ребёнком в коляске. За это время успел прочитать в интернете, что дорожные апартаменты, которыми не побрезговал Степан, оказались бывшей фабрикой, переделанной ушлыми коммерсантами под жилые помещения.

Улыбнувшись даме как можно очаровательнее, я попридержал открытую ей дверь, чтобы коляска свободно проехала внутрь, а затем проскользнул следом сам. Внутри оказался грустно журчащий фонтан со статуей, отдалённо напоминающей дохлую рыбу с открытым в отчаянье ртом, небольшая, но очень уютная детская площадка, и странное нагромождение камней и сверкающих труб, как видно, проданное жильцам под видом уникального памятника.

Я настороженно отношусь к современному искусству, особенно после успешных, к моему большому сожалению, попыток заполнить столицу спорными арт-объектами, подобными «Большой глине», которую москвичи метко окре-

стили кучей дерьма. Кучка во дворе оказалась скромнее и по объёму, и по замыслу, но трепета души от соприкосновения с прекрасным не вызывала.

Меня тревожило, что Степан не ответил ни на один мой звонок, хотя я звонил ему не только со своего, но и с левых номеров. С другой стороны, лже-отец Анечки занимался незаконными делами, так что вполне мог часто менять сим-карты, а то и отвечать только на звонки со знакомых номеров. Ни в телеграм, ни в ватс ап и тем более в вайбер (который я установил только ради поиска) номер Степана зарегистрирован не был, также я не смог найти его страницу ни в одной из социальных сетей, причины чего тоже понятны.

Будний вечер – прекрасное время, чтобы застать дома москвича, живущего обычной офисной жизнью, и с понедельника по четверг курсирующего по маршруту: дом – работа – дом. Но в пятницу «офисный планктон» плотно набивается в рестораны, бары, бильярдные, кофейни, кальянные словно огурцы в банку хорошей хозяйки, у которой каждая закрутка – произведение искусства.

Мест нет ни за столиками, ни за барной стойкой, ни на летней веранде. Молодежь с бокалами стоит прямо у порога заведения, как можно сексуальнее выпуская колечки сигаретного дыма изо рта. Замешкавшиеся с бронью неудачники ждут своего часа, поглядывая на хостес со списком ожидания как на мадонну, от которой зависит упадёт ли на них манна небесная, и если да, то когда именно.

В субботу и, если у кого хватает сил и здоровья, то и в воскресенье, набеги на злачные места повторяются. Счастливики празднуют торжество жизни и молодости, с тем чтобы в понедельник с новыми силами загрузиться в колесо Сансары. Эту столичную идиллию немного подпортил карантин во время эпидемии коронавируса, после которого часть офисных сотрудников засела по домам, но в целом уклад не поменялся.

Вот только Степан не принадлежал к счастливой офисной братии. Ему не нужно было утром, чертыхаясь, переставлять будильник, чтобы «ещё пять минут подремать». Подозреваю, что он выстроил комфортный, удобный и приятный график. Любой вечер – время, которое ушлый бандит проводит вне дома. С событиями последних дней я потерял счет времени, но, глянув на экран айфона, убедился, что сегодня ко всему прочему ещё и пятница.

Я старался гнать от себя мысль, что Степан скорее всего заявится домой под утро, а то и заночует у какой-нибудь красотки или останется после бурной вечеринки у приятеля в загородном доме.

Немного поторговавшись сам с собой, решил, что долго ждать не буду, если что, вернусь утром. Пока я вёл столь важные переговоры внутри себя и рассматривал внутренний двор, мамаша с ребёнком успели зайти именно в тот подъезд, в который, как я убедился минутой позже, было нужно и мне. Запоздало обозвав себя болваном, набрал квартиру

Степана на клавиатуре домофона и уныло выслушал сердитые гудки.

Скрипнув зубами, я присел на приличного вида лавочку и решил погуглить в сети колоду Кроули. Чуда не случилось, про вторую магическую колоду в интернете не оказалось ни слова. Но буквально минут через десять к подъезду на велосипеде подъехал курьер и бодро потыкал кнопки домофона. Уже через минуту мы вместе с курьером забились в лифт, как оказалось, нам нужно было на один и тот же этаж – седьмой.

Я абсолютно точно знал, что в квартире меня никто не ждёт. Внутренний голос, зевая, уныло бубнил о том, что напрасно трачу время и уж лучше было бы посетить Алиного психолога. Но поиски Нины продвигались так медленно, что я не мог позволить себе самолично обрывать нити, ведущие к ведьме, даже если они казались сомнительными.

На чистой ухоженной лестничной клетке не воняло табаком, здесь пахло дорогим одеколоном и жареной курочкой с чесночком, что немного портило впечатление: вкусной едой могло пахнуть и в хрущёвке. Я привык к тому, что жители элитных комплексов не особенно утруждают себя готовкой, возможно, судил по себе. Постоянно питаться дома, пусть и заказывая еду, стал только тогда, когда ко мне переехала Аля. Хотя, возможно, привыкшие к комфорту и домашней стряпне люди нанимают повара?

Мы с курьером синхронно позвонили в соседние кварти-

ры: я – почему-то с внезапно падающим в пропасть сердцем, курьер деловито, явно прикидывая, сколько времени нужно, чтобы развезти оставшиеся заказы. От квартиры Степана внезапно повеяло холодом, да так сильно, что я от неожиданности опёрся о косяк двери, а он в свою очередь оказался ледяным, словно мрамор на могиле мамы.

Курьеру повезло больше, дверь соседней квартиры открылась, на пороге показалась пухлая тётка с бойкими глазами.

– Сгружайте сюда пакеты, – засуетилась она, пошире распахивая дверь. – Сейчас всё сверю, по списку. Минуту.

Курьер ловко побросал пакеты в квартиру, как клоун в цирке шарик в шляпу, развернулся и попытался молча ретироваться в сторону лифта, который, как на грех, деловито журчал где-то внизу.

– Куда? – гаркнула незадачливая заказчица, выскакивая из квартиры, как чёрт из табакерки.

– Женщина! – Взвыл курьер. – Да если я у каждой квартиры по полчаса зависать буду, то совсем ничего не заработаю!

Но пухлая тётка проворно преградила парню путь и смешно затрясла кулаками перед его грудью.

– Для начала, не женщина, а Марфа Захаровна!

– Женщина, если я буду ко всем по имени-отчеству...

– Ты, енот узкоглазый! – Взвизгнула тётка. – Что, не нравится? Не нравится? А ничего, что у нас в стране даже к бабушкам за прилавком магазина принято обращаться «девушка»? А «женщина» говорят, когда хотят оскорбить или

поставить на место!

– Да я...

Курьер опешил и пошёл красными пятнами.

– Молчать! – скомандовала тётка. – Я всю жизнь проработала зав складом. Таких, как ты, на завтрак пачками ела! Сервис ваш, прости Господи, правил навывдумывал, что всё надо проверять при курьере. Иначе потом свистят, мол, с нас взятки гладки, у нас лапки, мы вам всё доставили, а половины-то заказа и нет, да всего самого дорогого! Или порченого чего подсунуть норовят. Только мы не лыком шиты!

– Так не заказывайте! Ходите в магазин, – пискнул курьер, но послушно попятился обратно к квартире.

– «Ваше мнение очень важно для нас», – саркастически заявила тётка и тут заметила меня. – Здравствуйте. Вы Фёдор? – она моментально поменяла тон на более уважительный и попыталась придать покрасневшему лицу приятное выражение, в чём, однако, не преуспела.

– Да, – машинально ответил я и тут же, чертыхнувшись про себя, поправился, – то есть нет, не Фёдор.

– Ну, от Фёдора? Заходите ко мне, чайку попьём, всё объясню, всё расскажу.

– Женщина, – начал было курьер.

– Что? Ты, задохлик, я уже сказала, как меня зовут! По-русски не понимаешь?

– Марфа Захаровна, – продемонстрировал чудесную память курьер, внезапно сдаваясь, и умоляюще добавил, – по-

том знакомства проворачивать будете. У меня времени мало!

– Бессмертный, что ли? Какие знакомства?

– Давайте я помогу проверить пакеты, – вмешался я, – или поступим проще. Пусть мужчина едет по делам, если чего-то не окажется в заказе, я компенсирую.

Марфа Захаровна воззрилась на меня с недоверием и восхищением, но я видел по её лицу, что курьеру просто так от неё не уйти. Одно дело, то краснея, то бледнея, принимать деньги от незнакомого мужчины, который непонятно что ещё потом за это захочет, и совсем другое – сначала медленно и со вкусом сверять длинный список при нахамившем и зарвавшемся, по оценке достойной кумушки, курьеру, затем при нём же долго дозваниваться в сервис, чтобы отвести душу ещё и на ни в чем не повинном операторе.

Пока соседка Степана колебалась, я решил добавить весу предложению, многозначительно добавив:

– У меня, к сожалению, совсем мало времени.

С любым другим обитателем элитного дома такой трюк точно бы не прокатил. Обычно апартаменты в центре покупают замученные неприподъемной работой, равнодушные к чужим делам и проблемам люди, которым едва ли хватает времени на секс по воскресеньям с дражайшей и столь же замотанной половиной. Но Марфа Захаровна, хваткая тётка, всю жизнь проработавшая зав. складом, как она только что с гордостью призналась, явно с трудом выживала без адрена-

лина новых сплетен. Курьера отпускать не хотелось, но кумушка ожидала какого-то Фёдора или его посланника, и явно принимала меня за него.

Судя по всему, соседка Степана быстро прикинула, что продукты можно заказывать хоть каждый день и всласть строить безобидных курьеров, тогда как деловой представитель Фёдора, чем-то интересный кумушке, нацелился дать дёру. Все эти мысли я легко читал на лице достойной соседки, а потому посчитал инцидент исчерпанным, приятно улыбнулся и подмигнул курьеру, давая понять, что проблема решена, но мужчина только затравленно глянул на меня в ответ.

Марфа Захаровна набрала воздух в лёгкие и открыла было рот, чтобы сообщить сотруднику доставки благую весть, как вдруг на площадку прибыл лифт и гостеприимно распахнул двери. Курьер ломанулся в кабинку с быстротой, устыдившей бы гепарда в самом расцвете сил. Раздался сдавленный крик, и двери медленно закрылись.

– Помощь нужна? – крикнул я на всякий случай вслед опускающемуся вниз лифту, но ответа не получил.

Если что-то и случилось, курьер предпочёл страдания в одиночестве нашему сомнительному обществу.

– Пойдёмте, – решительно пригласила меня в квартиру Марфа Захаровна, – эти ребята живучие, обойдётся всё.

Так обычно говорят об уличных кошках и собаках, но пришлось пропустить оскорбительное замечание мимо

ушей. Тётка прожила долгую жизнь, я вряд ли смогу научить её толерантности. Поэтому молча переступил порог и постарался найти место для ног между сваленными как попало пакетами.

– Ну что, сверим заказ? – бодро предложил я, демонстрируя на лице фальшивую бодрую радость.

Но Марфа Захаровна только махнула рукой и крикнула вглубь квартиры:

– Диана! Поди разбери пакеты. Начни с заморозки, а то растает.

Высокая стройная девушка лет шестнадцати показалась на пороге одной из комнат, увидела пакеты и нахмурилась:

– Ну мам! Мне некогда, занимаюсь.

– Бегом, – непреклонно отклонила протест хозяйка квартиры. На месте Дианы я бы не стал спорить с мамой в таком настроении. – Не видишь, у нас гости? Поздоровайся.

– Здравствуйте, – буркнула Диана и склонилась над пакетами.

– Добрый вечер, – вежливо отозвался я.

Но Марфа Захаровна уже увлекла меня в гостиную, совмещённую с кухней. Впрочем, за нами тут же вошла Диана с двумя пакетами. Я галантно подхватил их и укоризненно предложил:

– Давайте я всё-таки помогу? Хотя бы принесу пакеты.

Марфа Захаровна упёрла руки в боки, немного подумала и согласилась:

– А давайте. Спасибо. Всё равно ведь уши греть будет.

Сейчас втроём быстро управимся – и чайку. Время позволяет? – добавила она не без лукавства.

Но я не поддержал шутливый тон, глянул на часы и серьёзно ответил:

– Минут двадцать найду.

Соседка Степана кивнула, и мы втроём занялись пакетами уже всерьёз.

У нас дома закупками занималась Аля. Собирала в приложении заказ, встречала курьера и раскладывала продукты по местам. Я особо не задумывался, откуда появляется свежий молотый кофе, заварка для чая, сливки, молоко, хлеб и масло. Мясо, рыбу, курицу, картошку и прочие глупости мы не покупали, заказывали готовую еду из ресторанов.

Если расстанемся с Алей, придётся восстановить ценный навык забегать в магазин по пути домой. Можно решить вопрос и по-другому: питаться в кафешках, а мелочевку поручить домработнице.

На мой неопытный в хозяйственных делах взгляд, привезённых продуктов было достаточно, чтобы прокормить полк в течение месяца. Кольца Краковской колбасы, увесистый свёрток с ветчиной, твёрдые и мягкие сыры, две пачки сливочного масла, три багета, пакет йогуртов, яблоки, груши, киви, апельсины, помидоры, огурцы, картошка, морковь, капуста, несколько видов зелени, тушки курицы и утки, пакет со слабосолёной сёмгой, пачки риса, гречки, спагетти, подсолнечное масло, пакеты с говядиной и со свининой, подо-

зрительно шуршащий сверток с полуживыми карпами – всё это мы уже отнесли на кухню, но пакеты и не думали заканчиваться.

– Продукты нынче дороги, – посетовала в процессе разбора Марфа Захаровна. – Раньше на такую сумму можно было полгода шиковать, а сейчас сделал заказ – дней пять пройдёт, и снова в доме шаром покати.

Я проглотил вопрос о том, насколько многочисленна семья Марфы Захаровны, потому что уже понял: дамы проживают в квартире вдвоём. Дом до отказа забит женскими безделушками и напрочь лишён мужских вещей.

«Может, Марфа Захаровна готовит еду для более состоятельных соседей?» – подумал я, но уточнить не решился.

Между тем Диана раскладывала продукты с видом мученицы, терпеливо сносящей страдания за истинную веру. Каждая покупка, которую девушка доставала, сопровождалась тяжким вздохом, способным растрогать даже жестокосердного курьера, но её мама даже головы не повернула. Впервые до меня дошёл смысл выражения «этот стон у нас песней зовётся».

– Диана, мы с мамой справимся сами, отдохайте, – наконец не выдержал я.

Марфа Захаровна, которая успела приобрести стойкий иммунитет к дочкиным выкрутасам, непреклонно добавила:

– Но прежде приготовь чай и лёгкую закуску!

– Не стоит, – попытался возразить я, но твёрдости взгляда

Марфы Захаровны позавидовала бы сама Майя Фёдоровна.

Спустя пять минут и десятка выданных на «бис» фирменных вздохов, Диана триумфально удалилась, словно царица, на время спустившаяся с пьедестала к недостойным подданным, оставив нас с мамой за столом, заставленным чашками с ароматным чаем, вазочкой с конфетами и множеством мелких бутербродов на большом блюде. Выглядело аппетитно.

– Царство Небесное, – хозяйка высоко подняла чашку с чаем и мои недооформленные подозрения переросли в горькую уверенность.

Чтобы расставить все точки над «и», я тоже поднял чашку, словно рюмку с водкой на поминках, и мрачно подытожил:

– Все там будем. Пусть земля Степану будет пухом. Упокой, Господь, его душу.

Хоть какая-то польза от того, что бабушка таскала меня в детстве по подружкам. Там наслушался светских фраз, которые теперь в нужный момент высказывали. Тем не менее я рисковал. Если Степан жив-здоров, меня прогонят из этой милой гостиной поганой метлой.

Но пока магическое чутьё меня ни разу не подводило. Я знал, что Степана больше нет среди живых. Знал с того момента, как Сушёный протянул мне бумажку с адресом и телефоном. Как и бабушка, которая уверяла, что с визитом к Степану можно уже не торопиться. Этот след давно остыл.

Осторожное знание, которое я так гнал от себя эти дни, превратилось в твердую уверенность, когда на лестничной

клетке ко мне обратилась Марфа Захаровна. Эта уверенность накрыла меня могильной плитой, когда кумушка со вкусом произнесла: «Царство небесное».

И всё же интересно. Моя разумная часть всё равно сомневалась, свысока посматривая на «эту вашу магию».

– Да, дорогой... Как вас величать? – спохватилась соседка Степана.

Я чуть было по привычке не представился Николаем, но вовремя сообразил, как это глупо, и сдержанно ответил:

– Сергей.

– Серёженька! Горе-то какое. Степан Владленович душевный был человек, редкой доброты и отзывчивости.

На пороге гостиной появилась Диана. Я заметил тонкую презрительную улыбку, скользнувшую по её губам.

– Мам!

– Да?

– Я на улицу.

– Так поздно?

– Ну мам, ничё не поздно! Лето же.

– Чтобы через час была дома.

По лицу Дианы я понял, что через час она будет безудержно тусить вдали от строгой мамыши. Это также верно, как и то, что по возвращении дочку будет ждать грандиозный скандал, и она это прекрасно знает.

Тяжёлые вздохи относились не к «рабскому труду», а к строгим ограничениям. Дочь возражать не стала, чтобы не

тратить время на бесполезные препирательства, кивнула и хлопнула входной дверью.

– О чём это мы, – рассеянно отозвалась Марфа Захаровна. – Ах да. Когда Фёдор-то из Питера прибудет? Вам ключи от квартиры в полиции вряд ли отдадут. Впрочем, если есть доверенность...

– Да вот нет доверенности, – я принял сокрушённый вид. – Дело в том, что я прилетел из другого города, в командировке был, а с Фёдором мы так и не пересеклись.

– А вы разве не его юрист?

– Юрист, – твёрдо ответил я не терпящим возражений тоном. – Но в данном случае нужна особая доверенность.

– Ох, горяшко.

– А почему квартира не опечатана?

У кумушки загорелись глаза:

– Была опечатана! Да мальчишки бумажку сорвали. Я уж в полицию-то позвонила, завтра с утра обещали прибыть. И вы приходите, потолкуете с ними. Может, чего предложите, чтоб в квартиру попасть. Ну знаете, то, сё.

– Как бы они не подумали, что я сорвал.

– А какие доказательства? – Марфа Захаровна перешла на шёпот. – Камеры-то висят, да уж месяц не работают. Я бы этой управляющей компании... Такие ведь деньжищи...

– Это точно?

– Точно! Возьми любую квитанцию...

– Я про камеры.

– Точнее некуда. Приходите. И, Серёжа, как вы думаете, – кумушка замялась, и я понял, что сейчас она приступит к главному, – Фёдор будет продавать квартиру-то? Мы ж соседи, а у меня дочь на выданье. Знаете, не сегодня-завтра всё случится, надо быть готовой. Жили бы тут молодые, под моим присмотром, как бы хорошо. Но всей суммы у меня нет.

– А сколько есть? – деловито спросил я.

Марфа Захаровна засуетилась, как человек, который боится ненароком предложить больше, чем следует:

– Да немного, совсем немного. Откуда у старухи деньги? Но ведь Фёдор человек обеспеченный? – кумушка с беспокойством воззрилась на меня.

– Не настолько, чтобы даром раздавать квартиры, – отрезал я, чтобы придать правдоподобия беседе.

– Что вы, про это речь не идёт, – замахала руками соседка Степана, – может уступит немного, по-соседски.

– Давайте так, – решительно подвёл я черту, – я позвоню Фёдору и всё уточню.

– А может, я сама? Дадите телефон? Чтобы без посредников, так сказать.

Я так мрачно посмотрел на Марфу Захаровну, что кумушка прикусила язык и пошла на попятную, что сразу выдало в ней человека с богатым жизненным опытом.

– Ох, Серёженька, глупость сболтнула. Вы юрист, а в таких делах без посредника никак. Узнавайте, дорогой. Что я, не понимаю? Я уж вас не обижу, голубчик.

Пришлось с достоинством кивнуть.

– Чтобы позвонить Фёдору, мне прежде всего нужны подробности. Он ведь так толком и не знает, что произошло.

– Ох, лишенько. Спрашивайте. Всё-таки, родной брат! Понимаю.

Отлично, значит, Фёдор – родной брат Степана, наследник квартиры.

Однако, что за странные смерти унесли Степана и Ажана? Мужчин «в самом расцвете сил»?

Погрузившись в размышления, чуть не пропустил торопливый рассказ Марфы Захаровны.

– Именно я его нашла. Утром глянула – дверь в квартиру приоткрыта. Ну я и зашла! Как не зайти, проверить же нужно, вдруг что случилось! Спросила сначала, есть ли кто дома. А он, болезный, уже ничего не мог ответить. Решилась пройти. А он... лежит. Под головой лужа крови. Ну всё, убили, думаю. А как иначе? Дверь открыта. Кто-то пришёл, да по голове...

– А полиция что?

– Приехали, квартиру вверх дном перевернули, искали что-то. А что искать-то, если человека убили? Драгоценности и деньги, наверно. Чтобы не пропали. Брат-то пока приедет.

Я хмыкнул. Марфа Захаровна перебрала с сарказмом.

– И всё?

– Опечатали квартиру. Я по глупости думала так: Сте-

пан Владленович человек одинокий, бездетный. Квартира государству отойдёт. Ан нет, справки навела, оказалось, брат есть, в Санкт-Петербурге проживает.

– Когда похороны?

– Вот и узнайте. Не отдадут тело, говорят, долго могут держать в морге, пока следствие идёт. Ничего не известно. Ищут, ищут. А мы хоть с Владленом... Ой, простите, со Степаном Владленовичем лучшие, можно сказать, друзья были, – так напыщенно протараторила ушлая тётка, что я едва сдержал улыбку, – но не родственники. Мне в полиции ничего не говорят, – сокрушенно добавила она.

Похоже, я узнал, всё что можно.

– Скажите, а вот эту девушку вы не видели?

Я достал фотографию Нины и показал кумушке. Та надела очки, долго всматривалась в фото, но затем твёрдо покачала головой:

– Не видела. Красавица какая. А кто она?

– Бывшая девушка Степана, – мне не пришлось даже кривить душой.

Марфа Захаровна сощурилась, ещё раз всмотрелась в фотографию, но с сожалением сказала:

– Нет, точно нет. Не видала.

Я понял, что терять уже нечего, а потому довольно нагло спросил:

– Задам сейчас немного странный вопрос, но это очень, очень важно. Если сможете помочь, обещаю похлопотать пе-

ред Фёдором о продаже квартиры вам. Скажите, вы или полиция не находили в квартире Степана случайно карт Таро?

Кумушка уставилась на меня со странным выражением лица.

– Если я скажу вам, – протянула она медленно, – что я не только видела, но знаю, где находится одна из карт, вы напишите расписку, что Фёдор обязуется продать мне квартиру?

От радости у меня задрожали руки. Аркан, ещё один аркан. Да, нехорошо обманывать женщину, но ведь она пригласила меня только для того, чтобы подобраться к квартире Степана, облапошить Фёдора. Надеюсь, он продаст квартиру достойному покупателю по рыночной стоимости, если, конечно, решит продать, а не наглой тётке с неуёмным аппетитом.

Но сейчас я должен тщательно продумать ответ, подобрать нужные слова. Карта у ушедшей дамочки. Всё сходится: она первая нашла тело.

– Не могу написать такую расписку, – с досадой ответил я, – понимаете, уважаемая Марфа Захаровна, я деловой человек, а потому отвечаю только за свои слова и поступки. Если бы квартира принадлежала мне, мы бы уже договорились. Сейчас же могу только пообещать поговорить с Фёдором. К тому же, открою секрет: предлагая вспомнить, видели ли вы колоду, я заботился о *ваших* интересах. Старые куски картона ничего не стоят, просто память о бабушке. Семейная колода хранилась у Степана, но она дорога и Фёдо-

ру. Хотел в соответствии с нашим планом наполнить сердце Фёдора благодарностью к вам. Мне лично дурацкие арканы даром не сдались.

Я опасался, что ушлая тётка захочет сама отдать карту Фёдору при личной встрече, а то и того хуже, сейчас что-то соврёт мне, чтобы оставить козырь на руках. Но Марфа Захаровна приятно улыбнулась:

– Что же, вы и правда деловой человек. Если бы согласились написать подобную расписку, я бы отказалась иметь с вами дело, ведь это и правда полная туфта. Простите великодушно за проверку.

– Итак, карта?

– У меня. Сейчас принесу.

Кумушка встала и поспешила в другую комнату. Я направился за ней, хотя меня и не приглашали. Мы оказались в довольно просторной комнате, служащей, судя по всему, кабинетом или библиотекой. Никогда бы не заподозрил столь бойкую тётку в любви к книгам, но книжные шкафы, забитые до отказа, намекали на обратное. Или это просто коллекция, доставшаяся по наследству? Но дом явно новый, обычно при переезде люди расстаются с ненужными тяжёлыми фолиантами.

Между тем Марфа Захаровна прошла к окну и присела на стул возле письменного стола, уверенно открыла верхний ящик и нахмурилась. Вздохнула и начала осторожно перебирать содержимое.

– Забыли, куда положили карту? – аккуратно спросил я.

– Нет, что вы, Сергей. Дело в том, что у меня ОКР. Болезнь выражается в том, что мне просто необходимо, чтобы каждая вещь лежала на строго определённом месте. Кружки стоят на полке в кухне, рассортированные по размерам и цветам, ручками в одну сторону. Тоже самое касается всего, что видите в доме.

Я и правда заметил, что в холодильнике всё уложено чётко и аккуратно.

– Это ужасно выматывает, – Марфа Захаровна продолжала просвещать меня о своём недуге. – На дурацкую домашнюю уборку тратишь куда больше времени, чем другие. Не смогу уснуть, если что-то лежит не на месте или даже стоит не той стороной, не под тем углом. Но есть и плюс: я точно знаю, где что лежит. Так вот аркан лежал здесь, в первом ящике. Я уверена на сто процентов. Но сейчас его здесь нет.

– Может, всё-таки посмотрим в других? – спросил я без особенной надежды.

С каменным лицом кумушка пошарила в соседних ящиках.

– Нет. Ничего не понимаю. Мы живём вдвоём с дочерью, она не лезет в мои дела. Никогда ничего дома не пропадало.

– А где вы нашли карту?

– Она лежала рядом с убитым, я наклонилась посмотреть, что там такое, да и сама не поняла, как прихватила с собой, – с горечью прошептала соседка Степана.

– Скажите, а вы рассказывали кому-то про вашу находку?

– Нет.

– А полиции?

– И полиции, – помедлив, ответила расстроенная кумушка, – не то чтобы хотела утаить, забыла. Да какое это имеет значение? Картой затылок не проломишь. Тем более, фамильная вещь, как выяснилось. Если бы преступник обронил, то да. Такая улика имела бы значение.

– Но вы этого не знали, – ляпнул я и прикусил язык, но поздно.

Слово не воробей, да вообще никто не воробей, кроме... ну вы знаете. Кумушка пристально посмотрела на меня, прищурившись, и недовольно повела плечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.